

**НИКОЛАЙ  
СЕМЧЕНКО**



**ОДИНОЧЕСТВО ШАМАНА**

Издательские решения

# Николай Васильевич Семченко

## Одиночество шамана

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8233062](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8233062)  
ISBN 978-5-4474-0131-3*

### Аннотация

«Одиночество шамана» автор первоначально хотел назвать так: «Лярва». Это отнюдь не ругательное слово; оно обозначает мифологическое существо, которое, по поверьям, «присасывается» к человеку и живёт за его счёт как паразит.

«Одиночество шамана» – этнографический роман приключений. Но его можно назвать и городским романом, и романом о любви, и мистическим триллером. Всё это есть в произведении. Оно написано на документальной основе: информацию о своих «шаманских» путешествиях, жизни в симбиозе с аоми (традиционно аоми считается духом-покровителем) и многом другом предоставил автору 35-летний житель г. Хабаровска. Автор также изучал самостоятельно культуру, обычаи и представления о мире народа нани, живущего на берегах великой дальневосточной реки Амур (нанайцы называют себя именно так).

У романа есть продолжение «Путешествие за собственной тенью, или Золотая баба». Это, если можно так выразиться, «этнографо-мистический триллер».

# Содержание

1	5
2	35
3	72
4	91
5	109
6	123
7	137
8	158
Конец ознакомительного фрагмента.	173

# Николай Семченко

## Одиночество шамана



# 1

Бабушка Чикуэ, подслеповато щурясь, пытливо разглядывала медные кружочки, привязанные к темному, обветшавшему ремню из лосиной кожи. С одной стороны они были гладкие, с другой – испещрены узорами. Именно такие вышивала на своих халатах бабушка Чикуэ; на её изделия музеи записывались в очередь.

Эта крошечная, сторбленная старушка не признавала никаких швейных машинок, и потому всё делала медленно: кроила и шила халаты по выкройкам, которые ей от матери достались, и каждую строчку ладила кропотливо, одну к другой – ровной линией, а уж что касается орнаментов, то Чикуэ вышивала их в полном одиночестве, чтобы никто и ничто не отвлекло от кропотливой работы: один мелкий стежок, другой – особенным таким нахлёстом, и чтобы нитка ложилась аккуратно, гладко. Когда она была молодой, то за год вышивала по три-четыре халата, теперь – дай Бог, чтобы один сделала.

Музейщики считали, что бабка всё делает в соответствии со старинными традициями, помнит заветы лучших мастериц, да и сами обычаи своего народа знает лучше всех в округе – к ней постоянно ездят музейщики и даже титулованные учёные. Собственно, некоторые из них и строили свои диссертации и монографии как раз на воспоминаниях

таких древних бабушек, как Чикуэ. Потому Андрей и принёс на показ ей этот старый пояс, крепко пахнувший полуистлевшей кожей: реликвия несколько лет лежала в сараюшке одного местного рыбака, и, может, он бы о ней и не вспомнил, если бы Андрей не попросил его поискать что-нибудь настоящее, старинное. Мужик маялся похмельем, денег на водку взять ему было негде, а те мелкие поделки из меха, которые он пытался сбыть приезжим туристам, особого впечатления не производили. Такие тапочки и кулоны, сделанные из искусственной кожи и коленкора, можно было купить за меньшую цену в любой городской сувенирной лавке.

Когда Андрей спросил его, есть ли что-нибудь настоящее, старинное – ну, допустим, сэвен<sup>1</sup>, посуда из бересты или какая-нибудь шаманская амуниция (на последнее, впрочем, он и не надеялся), мужичок засуетился: «Есть, есть! Только надо поискать. Дровами это старьё завалил. Кому оно нужно сейчас? А этот пояс я сам нашел – в лесу, там старая халабуда стояла, вокруг – идолы. Говорят, что в стародавние времена там святилище было, и этот пояс наверняка носил шаман. Сам я не понимаю в этом ничего, но пояс – старинный, с побрякушками. Подожди, сейчас пороюсь. Я живо!»

Это «живо» продолжалось, наверное, часа полтора. Вместе с другими туристами Андрей успел сходить на берег Амура, где их накормили ухой, сваренной по-походному над костром. Потом экскурсовод – маленькая, кругленькая, ве-

---

<sup>1</sup> сэвен (другое написание: сэвэн) – деревянный божок

селя женщина неопределенного возраста: то ли ей двадцать, то ли все сорок пять лет – повела всех смотреть валуны, на которых древние люди нацарапали рисунки. Андрей много чего слышал об этих петроглифах, и ему почему-то казалось, что они непременно должны произвести впечатление – хотя бы своей древностью: всё-таки, как говорится, послание из глубины веков. Кстати, именно эти банальности и производила экскурсоводша:

– Древние люди оставили эти знаки на камнях, потому что хотели донести свои сокровенные знания до потомков, – вещала она в мегафон. – Мы относимся к ним как к археологическим памятникам, но для местного населения эти петроглифы, прежде всего, – культовое место их предков. Гасян – так они его называют. Потомки древних художников ищут здесь кэси – в переводе на русский значит «удача». Ни один местный житель ни за что не придёт сюда с пустыми руками – обязательно принесёт вино, водку и сигареты, чтобы угостить добрых духов, охраняющих Гасян. Тут нельзя громко разговаривать, ругаться, передвигать камни с места на место...

В прибрежных зарослях ивняка как раз сидели три местных парня: перед ними на расстеленной газетке стояли банки с пивом и горкой лежали пластушки юколы<sup>2</sup>. Уже опорожненная ими бутылка водки валялась рядышком. Троица, не обращая внимания на туристов, горланила:

---

<sup>2</sup> юкола – сушеная красная рыба

– Шуми, Амур, шуми, шуми, наш батюшка...

Экскурсоводша, подобрав пухленькие губки, вздохнула:

– Каждый отдыхает, как привык. Но вы не обращайтесь внимания на них. Антирелигиозная пропаганда при советской власти сделала своё дело: люди стали стесняться истоков родной культуры, шаманизм высмеивался, а священные камни постепенно разрушались...

Она говорила монотонно и скучно, повторяя, видимо, заранее заученный текст. Андрей взглянул на камни, на которых слабо просматривались черепообразные личины, чем-то похожие на маску из фильма «Крик»: там маньяк надевал её, чтобы напугать свою жертву, прежде чем пустить в ход нож.

Личины показались Андрею зловещими, недобрыми. Это, впрочем, подтвердила и экскурсоводша:

– В галерее петроглифов эти изображения занимают особое место, – продолжала она. – Считается, что личины в форме черепов источают отрицательную энергетику. Видимо, они символизируют злые силы природы. Совсем другое дело – вот этот валун со срезанной верхушкой: видите, на нем изображен лось? Посмотрите на него внимательно, откройте ему своё сердце – от этого петроглифа словно исходит лучистая энергия добра и справедливости. Чувствуете? Видите?

Но, как на грех, ярко светило солнце, и на камне трудно было разглядеть линии, складывавшиеся в образ какого-то большого животного.

– А вы наберите воды, – посоветовала экскурсоводша. – Лейте её на камень – влага проявит рисунок. Смотрите, как я делаю, – она брызнула водой на валун. – Этот лось – космический символ: в центре фигуры животного изображена спираль. Она прекрасна и бесконечна, как сама Вселенная. Уже в незапамятные времена человек представлял космос как нечто безмерное, беспредельное, и каждое существо, как этот лось, по мнению древних, несло в себе частичку этой безграничности...

– Но, может, они просто так выцарапали на камне беременную лосиху? – спросила Настя и засмушалась. – Ой, я, наверное, что-то не то брякнула...

– Если бы древний художник хотел изобразить бытовую картину, то в утробе лосихи он действительно нарисовал бы маленького лосёнка, – кивнула экскурсоводша. – А тут, глядите, просматривается явная спираль – вечный космический символ, который присутствует в архаическом искусстве многих народов Дальнего Востока и Сибири.

Настя не стала с ней спорить. Она лишь виновато взглянула на Андрея, которому явно наскучила вся эта вымученная экскурсия. Если бы не Настя, то он, скорее всего, лежал бы сейчас на пляже, купался, пил пиво, поиграл бы в волейбол, а вечером – на дискотеку, как приличный молодой человек. И плевать, что пока он безработный. Это даже хорошо, что кафе, в котором он был поваром, наконец-то закрылось: из-за удалённости от центра города народу сюда ходило ма-

ло, публика была не привередливой – максимум спиртного, желательно подешевле, да какая-нибудь незатейливая закуска. Работникам платили мало, кулинарные таланты Андрея оставались, в общем-то, невостребованными: приходилось готовить в основном салатики, бифштексы-ромштексы и куриные окорочка. Так что он уже и сам подумывал об увольнении. Хозяину кафе не приносило прибыли, на которую он рассчитывал, и потому, не дожидаясь полного фиаско, он продал помещение под зал игровых автоматов.

– Не нравится тебе тут? – спросила Настя. – Ну, не дуйся! В кои-то веки культурно отдыхаем, смотрим всякие древности...

– Всё хорошо, – улыбнулся Андрей. – Прикасаюсь, можно сказать, к праистории. И всё благодаря твоей фирме, – он сделал паузу и желчно продолжал, – которая организует для своих сотрудников такие полезные, содержательные уик-энды.

– Язва, – хмыкнула Настя. – Какой же ты язва! Лучше было бы, если бы мы всего этого не увидели? Прележали бы на пляже, обгорели на солнце, надулись бы пива... Ну, чем лучше-то? А тут – простор, экзотика, уха на свежем воздухе, в конце концов, тебе полезно для здоровья.

– Ага, – иронично кивнул он. – Я прямо разваливаюсь, как столетний дед. Ты думаешь, что у меня не лёгкая простуда, а прямо чахотка уже, – он кашлянул. – А что касается ухи, то если бы я такую сварганил в кафе, то ещё раньше безра-

ботным бы стал.

– Тебе же сказали, что уха сварена по рецепту кухни аборигенов, – не сдавалась Настя. – Так у них принято готовить.

– Ладно, – вздохнул Андрей. – У меня претензий нет. Лишь бы тебе, солнышко, всё это нравилось.

– Тебе тоже понравится, – пообещала Настя. – Сейчас нас поведут посмотреть шаманские пляски. Говорят, что это – вообще, слов нет, какое зрелище!

Экскурсоводша, поглядев на часы, прокричала в мегафон: – Господа туристы, нас ждёт культурная программа: древние танцы древней земли, камлание шамана, песни аборигенов. Поторопимся!

Она бодро засемила впереди группы, поминутно останавливаясь и оглядываясь, как наседка, считающая своих цыплят:

– Не отставать! – и, глуповато хихикнув, прокричала в мегафон речевку: Кто шагает дружно в ряд? Туристский наш отряд!

Вслед за ней все зашли под широкий деревянный навес над дощатой сценой, сооруженной среди кустов темно-зеленого орешника. Остро пахло горькой полынью и какой-то болотной травой, от комаров не было отбоя: эти проклятые твари, казалось, только и ждали, когда в село пожалуют городские – местных жителей, как заметил Андрей, они облетали стороной. Экскурсоводша велела всем намазаться «Дэтой», не преминув подчеркнуть, что эта «мазилка» – презент ту-

ристической компании, в калькуляцию за услуги не входит.

– Аборигенов комары не кусают: у них иммунитет против кровососущих тысячелетиями вырабатывался, – пояснила экскурсоводша.

– Что, кровь у них другая? – наивно спросила Настя.

– Конечно, – не моргнув глазом, отвечала экскурсоводша. – И потом, они из каких-то травок сами делают настойку – намажутся, и никакие кровососущие им не страшны. Что и говорить, аборигенные народы Амура привыкли жить в единстве с природой, знают её тайны...

Врала она или нет насчет какой-то особенной травяной настойки – неясно, но местным жителям комары действительно почти не досаждали. Может быть, этим кровососущим тварям больше нравились изнеженные горожане – лакомее, так сказать. Не садились они и на артистов из здешних женщин: нарядившись в халаты, они старательно прыгали по сцене, изображая то чаек, то уток, гортанно вскрикивали, смешно вертели задами, приседали, усердно притопывали. Потом на сцену взобралась маленькая, сторбленная в три погибели старушка. Ей подали бубен, и она, полуприкрыв глаза, что-то тихонько начала напевать на своём языке, ритмично постукивая колотушкой по деревянному ободу бубна. Привязанные к нему побрякушки отзывались негромким мелодичным звоном.

– Чикуюэ! – шепнула экскурсоводша и восхищенно закатила подкрашенные синей тушью глазки. – Самая большая их

мастерица! У неё мать шаманкой была, любую болезнь лечила, и у Чикуэ есть дар: говорят, что вещи, сшитые ею, обладают положительной биоэнергетикой. Ну, что вы ехидно так улыбаетесь? Молодой еще! Ничем, значит, серьёзно не болел. Потому и не верите, молодой человек.

Андрей хмыкнул, но отвечать ничего не стал. Его смешили эти модные нынче разговоры о биоэнергетике, ауре, чакрах и тому подобных вещах. По его наблюдениям, как правило, ими увлекались дамы серьёзного возраста, желающие, видимо, найти средство для возвращения былой привлекательности, а, может быть, им просто нечем заняться: дети живут сами по себе, муж, если он есть, не проявляет интереса, на работе – скучно, дома – одиноко, вот они и уходят в свои тонкие миры, выдумывают всякие несусветные вещи.

– А зря не верите, – не унималась экскурсоводша. – Мир гораздо сложнее, чем мы о нём думаем. Неужели тут, у этих священных древних камней, вы ничего не почувствовали? И неужели вас не волнует бубен Чикуэ?

Бубен вообще-то волновал. Старушка, можно сказать, была виртуозом: бубен то рокотал как приближающийся гром, то шелестел ветром – будто невидимая ласковая рука проводила по прибрежному ивняку, сгибая тонкие стволы деревьев, и они, распрямляясь, шумели листвой. Иногда бубен замирал, и тогда слышался тоненький перезвон серебряных и медных бубенчиков и колокольчиков, подвешенных к его ободу. Чикуэ смотрела прямо перед собой, и будто что-то

видела: её лицо то омрачалось, то она удивленно приподнимала брови, то сердито поджимала сухие бледные губы, то радостно улыбалась – и согласно её настроению звонко пел, громко смеялся и тихонько плакал бубен.

Но от выступления Чичуэ Андрея отвлек тот самый мужичок, который пообещал найти старинный пояс. Он внезапно появился в пыльных кустах лещины позади сцены и, не обращая внимания на бьющую в бубен старушку, принялся призывно размахивать рукой с зажатым в ней поясом. Подвешенные к нему медные кругляшки и другие висюльки зазвенели. Чичуэ прекратила бить колотушкой в бубен и в недоумении оглянулась на пришельца. Зрители подумали, что устроителями представления так задумана какая-то особенная сценка и приготовились следить за дальнейшим развитием событий. Но мужичок лишь выразительно крутил в руке реликвию и не менее выразительно постукивал себя по горлу указательным пальцем.

– Иди, – подтолкнула Настя Андрея. – Иначе он представление сорвет, выпивоха несчастный!

Андрей, конфузясь, махнул мужику рукой, показывая направление, где будет его ждать. Тот пригнулся и моментально исчез в лещине – с веток только облачко серой пыли поднялось.

Пояс, хотя и было видно, что старинный, не понравился Андрею: ветхий, потёртый, изъеденный какими-то вредителями, он не производил никакого впечатления, разве что

медные кругляшки интересные: на них темнела прихотливая вязь узоров, сквозь зеленоватый налет патины проступали изображения то ли ящериц, то ли драконов, а на одном диске была выцарапана толстая лягушка.

– Ну, и на что этот пояс годен? – поморщился Андрей. – Старьё какое-то! Я думал, что ты принесёшь что-нибудь экзотическое. То, что можно как украшение в квартире держать.

– Это настоящая вещь, – обиделся мужчина. – Может, она шаману принадлежала. Я бы мог её в музей продать, но говорят, что там за такие вещи платят копейки.

– А я тебе, что, больше заплачу? – хмыкнул Андрей. – Договорились же: на бутылку дам. Да эта ерундовина больше и не стоит. Кому она нужна?

– Ничего ты не понимаешь, – мужчина хлопнул носом. – Вещь настоящая. Не подделка. И не отдал бы я тебе её, если бы не нужда...

– Ага! – иронично сказал Андрей. – Пусть бы она гнила в сараюшке под дровами.

– Всё равно кто-нибудь из музея бы приехал искать старые вещи – продал бы им, – упирался мужчина. – Не веришь, что пояс настоящий, старинный? Вон у бабки Чикуюэ спроси. Она подтвердит.

Старушка уже закончила выступление и спускалась по шаткой лесенке со сцены. Бубен у нее подхватили местные женщины, наряженные в яркие халаты с наклеенными

на них узорами из коленкора.

– Вы, городские, ничего не понимаете, – продолжал обижаться мужичок. – Покупаете тут всякие сувениры, и не знаете, что все эти амулеты – хреновина, подделка: настоящего в них ничего нет – мех и кожа искусственные, орнаменты из плотной бумаги, коленкора или обоев вырезаны. Красиво, конечно, но чуть заденешь – всё и облетит, посыплется...

– Да мне похрену, – огрызнулся Андрей. – Просто у меня на стенке висит африканская маска – то ли шамана, то ли колдуна. На день рождения подарили. Игрушка такая. Наверно, в сувенирной лавке купили. Вот я и хотел что-нибудь в таком же стиле отсюда привезти. Для комплекта, так сказать.

– Ну, так и бери этот пояс, – не унимался мужичок. – Он точно шаманский, не обманываю – гадом буду! Трубы у меня горят, понимаешь?

– Ладно, – сказал Андрей. – Послушаем, что бабка скажет. Чикуюэ не удивилась, что молодой русский парень хочет купить старинную вещичку. С тех пор, как в селе построили туристический комплекс, сюда зачастили гости. Приезжали не только из соседнего Хабаровска, но даже из-за границы – японцы, корейцы, китайцы, и несколько раз американцы были. Многих из них интересовали сувениры, и желательно, как они говорили, раритеты. Чикуюэ сначала не понимала, что значит это мудрёное слово, зато молодые быстро скумекали, что туристов интересуют древности: иностранцы

за них платили долларами. Правда, потом оказалось: если перевести «зелененькие» на рубли, то получается даже меньше, чем обычно стоят самые простенькие поделки. Но пока это расчухали, из села уплыло немало старых халатов, вышивок, посуды, оберегов. Где-то сейчас всё это добро?

Бабушка взяла старинный пояс, чтобы внимательно его рассмотреть. Кажется, давным-давно, когда она была молодой, смешливой девчонкой, такой опояс видела на шамане Коя из рода Одзялов. Ох, великий был шаман! Человека насквозь видел: что и где у него болит, о чём думает и что скрывает – ничего от Кои нельзя было утаить. Люди шли к нему из самых дальних стойбищ – кто от недуга просил излечить, кто на удачу покамлать<sup>3</sup>, кто хотел своё будущее узнать. И шаман никому не отказывал в помощи.

– Это ямха<sup>4</sup>, – сказала Чикуэ. – Настоящий омель-ямха<sup>5</sup>, и кангора-ямха<sup>6</sup> тоже настоящие, выкованные из железа – это обычно сам шаман делал, никому не доверял делать кангора, только сам. Смотрите, их тут двадцать семь штук – значит, большому шаману принадлежал ямха. Колокольчиков тоже много. Они отгоняли злых духов, пугали их звоном.

---

<sup>3</sup> камлать – значит, исполнять ритуальный шаманский обряд

<sup>4</sup> ямха – пояс

<sup>5</sup> омель-ямха – ремень, который делается из кожи лося

<sup>6</sup> кангора-ямха – железные побрякушки в виде конусов, которые подвешиваются на железных кольцах к ремню

А вот это толи<sup>7</sup>, – старуха тронула медные круги. – Обычно их на поясе не носили. Толи привешиваются к ремням, которые шаман надевает на шею. Они для него всё равно что щит: отражают стрелы, пущенные недобрыми духами. Наверное, тот, кому этот пояс принадлежал, великим воином был: смотрите, сколько в толи отверстий, – она провела пальцем по дырочкам в дисках. – Это следы от стрел, пущенных в шамана злыми духами.

– Да что ты, бабушка, за сказки рассказываешь? – вдруг рассмеялся мужичок. – Наука давно доказала: все эти духи – выдумка наших темных предков!

– Хочешь – верь, хочешь – нет, – отмахнулась Чикуэ. – Рассказываю то, что знаю. Толи служили шаману зеркалами, в которых отражались все дела его сородичей. А еще они служили ему щитом. Когда шаман камлал, то на него набрасывались злые сеоны<sup>8</sup>, пускали в него стрелы, метали копья – сколько ударов шаман принимал, столько потом дырочек в толи пробивал.

– Так, значит, пояс самый настоящий? – спросил Андрей.

Чикуэ качнула головой, хмыкнула:

– Да, настоящий. Только тебе его брать не надо. В нём большая сила. Ты с ней не справишься. Этот омель-ямха должен принадлежать большому шаману.

– Вот и я ему говорю: настоящий пояс, старинный, – за-

---

<sup>7</sup> толи – шаманские медные круги

<sup>8</sup> сеон – дух

частил мужичок. – А он мне не верит. Такие ямха на дороге не лежат!

– Ага, зато в сараях они валяются, – Андрей иронично скривил губы. – Ну что, двух бутылок тебе хватит на опохмелку?

– Обижает, – отрицательно покрутил головой селянин. – Отдаю тебе, можно сказать, родовую реликвию.

– Не боишься, что хала<sup>9</sup> рассердятся? – Чикуэ пристально посмотрела на мужика. – Этот пояс не только тебе принадлежит. Подумай над этим, Иван.

Так Андрей наконец узнал, как зовут этого мужика. На русского Ивана он вообще-то походил мало: лицом смугл, скуласт, нос приплюснут, в узких глазках – хитринка, в жгуче-чёрных, жёстких волосах пробивается седина.

– А я его нашел в лесу, – отмахнулся Иван. – Эму-хала<sup>10</sup> о поясе не в курсе. И вообще, бабушка, я не знаю, какой крови во мне больше – нанайской или русской. Я по паспорту специально нанайцем записался, чтобы нормовую рыбу иметь, и чтобы льготы были как у КМНС...

– Что? – не понял Андрей.

– Так нас городские чиновники называют: КМНС – значит, коренная малочисленная народность Севера, – рассмеялся мужичок. – Сократили всех нанайцев, ульчей, нивхов и других – до четырёх букв. Хорошо, что не до трёх. Кста-

---

<sup>9</sup> хала – род

<sup>10</sup> эму-хала – в значении: однофамильцы

ти, ты мог бы считаться, к примеру, ВРН – великий русский народ, но себя-то вы не сокращаете. А я... Эх! – он лукаво улыбнулся. – Мать у меня нанайка, отец – русский. Правда, как меня мамане заделал, так и сбежал в город – отца не знаю, но то, что он был русским, все эму-хала подтвердят.

В конце концов, они сторговались: Андрей купил диковинный пояс за триста рублей. Радостный мужичок тут же нырнул в кусты лещины – только его и видели. Чикуэ вслед ему покачала головой, вздохнула:

– Совсем пропадет скоро. Как жену похоронил, так каждый день стал пить. Плохой дух в него вселился. Ивану хороший шаман нужен. Но нет теперь у нас шамана.

– Зато врачи есть, – подсказал Андрей. – Пусть к наркологу в город съездит. Прочистят, выведут всю гадость из организма, закодируют...

– Э! – Чикуэ растянула в улыбке узкую ленточку сухих губ. – Что ты такое говоришь? В городе сколько наших ни лечилось – всё равно пьют. Ничего врачи не понимают. Только шаман знает, как злого духа-пьяницу выгнать. Да где же его найдёшь? Шамана чаще на сцене увидишь – ряженого, он и в бубен-то бить не умеет. А настоящих шаманов, считай, и нет. Осталась одна старушка, далеко отсюда живёт, слабая здоровьем, не может всем помочь. А молодых нет. Не годятся нынешние молодые в шаманы. Нет у них желания с сеонами сражаться...

Андрею не хотелось возвращаться на концертную пло-

щадку: подобные выступления он не раз видел и в Хабаровске, и по телевидению – вся эта доморощенная экзотика его не особенно-то и привлекала. А вот бабушка Чикуюэ оказалась ему забавной, особенно её воззрения на жизнь, потому он слушал её с интересом.

По её рассказу выходило, что сеоны наполняют всю природу, они – везде, просто мы не видим их. Особенно им нравятся селиться около людей, поскольку духи любят получать от них жертвоприношения – пищу и питье, но не прочь и поразвлечься с людьми: сеоны бывают мужчинами и женщинами – плотские утехы, оказывается, им не чужды. Невидимые и неосязаемые, они постоянно носятся около жилищ и ждут, чтобы человек принес им жертву. Если же этого не сделать, то озлобленные духи начинают мучить людей, сосут их кровь, лакомятся внутренностями, а то и вовсе похищают душу и улетают с нею очень далеко: человека постигает недуг и, если не вернуть его душу, то он умрёт. Поэтому люди в старину старались задобрить сеонов. Но их так много, что на всех не хватит никаких жертвоприношений. Вот тут-то народу и помогал шаман. Он отлично знал всех сеонов в округе, их особенности и вкусы, умел разговаривать с ними и, если надо, выгонять из стойбища, стравливать друг с другом, звать на помощь людям, если этого требовали обстоятельства.

Вообще, эти невидимые духи очень даже напоминали самих людей. Они были и добрыми, и злыми, и коварными,

и жестокими, и мнительными. Так же, как и человек, духсеон любит хорошо поесть, побездельничать, предаться разврату. Сеон может принимать какой угодно вид, быстро переноситься через большие расстояния, знать будущее. И всё-таки духа можно обмануть, а то и осилить в битве: мэргены<sup>11</sup> не боялись их, выходили на битву со злобными духами и одерживали победу. Но мэргенов мало, а сеонов много. К тому же, ещё есть духи-бусеу, рангом, так сказать, пониже сеонов, – если люди обижали их, то они затаивались и обязательно улучали момент, когда можно без всякой опаски навредить человеку. Поэтому с ними следует быть настороже.

Бороться с сеонами и бусеу, оказывается, может не всякий человек, а только тот, у кого сильная и могучая душа. Ведь души у людей неодинаковые: у одних они слабые, робкие, бездарные, у других же – сильные, храбрые и добрые. Чикуюэ уверяла, что существуют такие люди, души которых способны покидать тела и принимать вид различных животных. Души таких людей так же могущественны, как духи. Поэтому такие люди могут проникать в страшный и таинственный мир сеонов, заставлять их служить человеку.

– Коя таким был, – сказала Чикуюэ. – Он давно ушел в Верхний мир, а люди до сих пор его помнят. И этот янгпан<sup>12</sup>, наверное, ему принадлежал. Нельзя тебе его брать, – она покосилась на Андрея. – Это не игрушка. Ты не спра-

---

<sup>11</sup> мэрген – богатырь

<sup>12</sup> янгпан – то же, что и шаманский пояс

вишься с силой, которая скрыта в ямха.

– Сказки всё это! – воскликнул Андрей. – Шаманы вас дурачили, а вы, наивные, верили им. И никаких духов не существует. Сегодня любой школьник это знает.

Чикиуэ слушала его, устремив на Андрея пристальный и в то же время как бы отсутствующий взгляд. Она совсем как кошка, не мигая, смотрела в одну точку, но, кажется, видела что-то совсем-совсем иное, не то, что видели все.

– Бусеу смеются над тобой, – Чикиуэ отвела взгляд в сторону. – Ты их не слышишь, а я слышу.

– Это кукушка смеётся, – Андрей кивнул в сторону леса. – Слышите: ку-ку, а потом – этот смех, будто птица закашлялась. Никакие это не духи. Идите, бабушка, рассказывать сказки внукам. А я уже взрослый...

Пока он разговаривал с бабушкой Чикиуэ, представление на концертной площадке закончилось. Туристы высыпали на поляну. Экскурсоводша снова принялась руководить ими. Не отрывая от губ мегафона, она командовала:

– Посмотрите налево... Там стоит хурбу – так называется жилище аборигенов, а там – шалаш... В таких шалашах... ля-ля-ля-ля... бум-бум-бум... А вот, справа, смотрите... ааааа... бу-бу-бу...

Видимо, она спешила поскорее выполнить культурную программу экскурсии, и потому трещала как сорока. Туристы её скороговорку почти и не слушали. Многие приехали сюда ради того, чтобы купить у местных свежей или соле-

ной рыбы, да и красная икра тут, говорят, стоила намного дешевле, чем в городе. Некоторые особенно предприимчивые женщины взяли в оборот артисток, только что певших и плясавших перед ними:

– У кого можно кету купить? Сколько хвост стоит? А копченая рыбка есть? Натуральным дымом коптили?

А экскурсоводша гнула своё:

– Бу-бу-бу... Посмотрите на сопку... вон туда... видите?... ааааа.... ля-ля-ля... Народ! Вам будет дано время на беглый осмотр села... Послушайте меня... ля-ля-ля... Потом договоритесь с местным населением... Не останетесь без покупок... Посмотрите, как чудесна эта сопка... с ней связана легенда... Бу-бу-бу....

Настя подошла к Андрею, вздохнула:

– Ну что? Всё ещё на меня сердисься? Ну, откуда же я знала, что экскурсия будет такой неинтересной. Зато хоть немного развеялись, вместе побыли...

– Всё нормально, – великодушно ответил Андрей. – Я даже купил тут шаманский пояс. Смотри, какой!

Настя провела мизинцем по темной шершавой коже пояса, позвякала одним из бубенчиков, потом поднесла ладонь к носу, понюхала:

– Чем это он пахнет? Кислятина какая-то...

– Со мной тут одна местная старушка беседовала, – Андрей кивнул вслед неспешно удаляющейся Чикиуэ. – Она сказала, что пояс настоящий, старинный. И пахнет он време-

нем, – он рассмеялся. – Можно сказать, в нём – тьма веков. Музейная вещичка!

– С ума сойти! – Настя уважительно покосилась на пояс. – Повесишь его рядом с маской? Ну, с той, которую Максим тебе подарил на день рождения.

– Может, я её вообще выброшу, – поморщился Андрей. – Максим – козел. Даже вспоминать его не хочу.

Бывает же так: дружат люди годами, ещё со школы, вроде как всё у них нормально – понимают один другого чуть ли не с полуслова, общие радости и беды вместе переживают, случись что – помогают, не бросают в беде. На Максима Андрей надеялся как на самого себя. Но однажды они возвращались с дискотеки: пока проводили своих девушек, попили пива в палаточном кафе – наступила глубокая ночь, часа три, наверное. Но они не обращали внимания ни на время, ни на шедших навстречу поздних прохожих – молодые, здоровые, кто и что с ними сделает? Так что особенно не заволновались, когда к ним подошла компания подвыпивших парней: «Закурить есть?» – «Есть, – ответил Андрей. – Вон, видите, в киоске торгуют сигаретами». – «Ты чо, пацан, издеваешься? – коренастый паренек растянул узкие губы в кривой усмешке. – Закурить дашь?» – «Да не курит он, – объяснил Максим. – Вот, возьми мои», – и протянул пачку «Золотой Явы». – «Такое говно не курим! – сощурился высокий красивый парень, чем-то похожий на Сергея Есенина: пшеничный чуб, пронзительные ласковые глаза. – За лохов нас

держишь?» – «Ну, как хотите, – растерялся Максим. – Была бы, как говорится, честь оказана...» – «О, млять! – возмутился третий. – Интеллигенция, ёп твою мать в кисет! Ещё и издевается...» Четвёртый молча ударил Максима в плечо, и тот как-то враз обмяк, сник, а коренастый, не дожидаясь, пока он опомнится, саданул его в лоб – Максим чуть не упал, но сумел, крутанувшись на месте, развернуться и бросился бежать. Высокий в это время пнул Андрея между ног и, когда тот скорчился от резкой, пронзительной боли, обрушил на его спину град ударов кулаками. Ему помог третий: разогнавшись, он подпрыгнул и ударил Андрея ногами – от мгновенной, ошеломляющей боли в копчике парень упал. Его пинали, стараясь попасть по лицу, но он сумел всё-таки вскочить, вцепился в шею коренастого, изо всех сил сжал её и заорал: «Задушу! Можете меня убить, но и этот вместе со мной уйдет. Суки позорные!»

Он, наверное, и в самом деле задавил бы этого подонка: мёртвой хваткой сдавил ему горло, мало того – прихватил ухо зубами и вгрызся в него как ротвейлер. Парень хрипел, вырывался, орал благим матом, но Андрей не разжимал одеревеневших пальцев. Он понимал, что если отпустит хулигана, то милости от этой компании ждать не придётся: забьют, затопчут.

Сначала дружбаны пытались коренастого, но, поняв, что Андрей не шутит, отступились: «Ну ты чо, пацан? Безбашенный, что ли? Да мы ничо не хотели, попросили закурить...

Никита, ты как там? Отпусти его, пацан».

Он не отпускал, потому что знал: вся стая тут же накинется на него, и тогда точно несдобровать. Он молил бога, чтобы Максим вернулся, или хотя бы позвонил в милицию. Но тот, оказывается, примчался домой и, перепуганный, потный, полез сразу под душ. Не подумал о друге.

Спасли Андрея проезжавшие мимо на машине вовсе незнакомые люди – пожилой мужчина и юная очаровашка с кудряшками. Её звали Настя. Но Андрей это узнал уже потом, когда позвонил по телефону оставленному мужчиной.

Машина остановилась рядом с Андреем, державшим хулигана за глотку, и водитель крикнул:

– Давай сюда! Быстрее!

Андрей, не отпуская коренастого, запрыгнул в раскрывшуюся дверцу, ребром ладони долбанул урода по шее и только после этого отпустил его; тот мешком шмякнулся на землю.

– Молодец, – похвалил его мужчина. – Я такой же бешеный, как ты: никого не трогаю, но если меня тронут, то горло перегрызу. Если у тебя какие-то осложнения будут – мало ли, свидетели понадобятся или что ещё, то вот наш телефон. Позвонишь, мы с дочкой всё подтвердим. Ты, наверное, этого охломона придушил. Но закон на твоей стороне: самооборона!

Слава богу, не придушил. А если даже и придушил, то никто Андрея не разыскивал. Но по тому телефону он всё-таки

позвонил. Ответила Настя. Так и познакомились. А с Максимом Андрей разорвал все отношения. Вот только маска, подаренная бывшим другом, по-прежнему висела на стене.

– Но маска ни в чём не виновата, – сказала Настя. – Это просто сувенир. Не более того. К тому же, весьма занятная штучка. Колоритная такая, экзотичная.

– Это её и спасает, – усмехнулся Андрей. – Жалко выбрасывать. Но Максим тот ещё козел! Говорят, что он неплохо устроился. На дочери своего шефа вроде как женился. А шеф крутой: три компьютерных салона, игровой автомат в универмаге – бабок не меряно, и всё, конечно, Макс у перейдёт: дочка-то у папы одна.

– Завидуешь?

– Да пошёл он!

Хотя, если честно, то немного завидовал. Как завидовал и другим, более удачливым своим одноклассникам. Но признаваться в этом Андрею не хотелось.

Тем временем туристы выполнили свои личные программы: кто-то вернулся к автобусу с рыбой, кто-то с ведерками грибов и ягод, а кто-то раздобыл у бабушек-рукодельниц модные нынче коврики, украшенные яркими северными орнаментами. Экскурсоводша прижимала к животу чучело большой совы.

– Это мой давний заказ, – щebetала она. – Тут есть самородок-таксидермист, такой мастер, просто класс. Ему даже музеи заказывают чучела. Посмотрите, совушка как живая.

Нравится?

– Мне живые птицы нравятся, – буркнул Андрей.

– А она живая и есть, – вскинулась экскурсоводша. – Не искусственная! Натуральная. В лесу недавно летала.

– Вот-вот, – усмехнулся Андрей. – Долеталась, бедолага!

– А вы не иронизируйте, молодой человек, – поджала губы экскурсоводша. – Я у неё прощения попросила. По всем правилам. Как меня бабушка Чикиэ учила. Кстати, о чём это вы с ней так долго беседовали?

– О разном, – уклончиво ответил Андрей. – В основном о жизни.

– А! – всколыхнулась экскурсоводша. – Чикиэ любит философствовать. Мудрая женщина!

Автобус тем временем тронулся. Экскурсоводша с умилением взглянула на пыльную дорогу, вдоль которой стояли невзрачные деревянные дома с запущенными палисадниками и заросшими травой огородами. По обочине, величественно переваливаясь, шествовала стайка важных гусей: впереди вожак с горделиво поднятой головой, за ним – три гусыни. Опасливо косясь на них, шёл чумазый парнишка лет тринадцати, в руках он держал наперевес самодельную удочку-закидушку из тальника: приготовился, видно, обороняться от гусака, который уже начал вытягивать шею и воинственно гоготать. Симпатичная черноволосая девушка, сидевшая на лавочке у покосившегося забора, оторвала от уха мобильный телефон и что-то прокричала парнишке.

– Красота! – восхищённо вздохнула экскурсоводша. – Идиллия! Люблю сюда приезжать. Тут люди живут неспешно, так, как жили и пятьдесят, и сто лет назад – в единении с природой.

– Ну да, – саркастично поддакнул Андрей. – А чтобы это единение было крепче, они понаставили телевизионных антенн, обзавелись мобильниками, ездят на машинах, носят американские джинсы...

– Это им не мешает, – не сдавалась женщина. – Они умеют чувствовать природу, тут всё пронизано космическими излучениями – село стоит на особенном месте: здесь земля тёплая, видимо, проходит какой-то разлом, из него поступает поток положительной энергии. Тут нет недоброжелательных людей. Вы заметили это, молодой человек?

– Не успел, – Андрей решил отвечать односложно, чтобы не поддерживать разговора с экскурсоводшей. Ему хотелось подремать, а с этой говоруньей разве расслабишься?

– Местные жители в отличии от городских меньше испытывают стрессов, – продолжала экскурсоводша. – В последнее время мне довелось прочитать несколько научных книг, в которых развиваются мысли, изложенные ещё в древнейших рукописях. Например, о том, что человек, загнанный в угол или злой, недоброжелательный от роду, является разносчиком заразы, которая отравляет космос.

– Прямо-таки разносчики заразы? – спросила Настя, до этого хранившая полное молчание. Она знала привычку

Андрея дремать в дальних поездках и потому не разговаривала, надеясь, что дама утратит интерес к молчаливым спутникам – тогда Андрей положил бы голову на плечо Насте, она обняла бы его, так – голубками! – и смежили бы веки.

– А вы не удивляйтесь, сударыня, – экскурсоводша оживилась. – Может, вы не догадываетесь, что человек формирует свою мысль в астрале. Там она находит свое воплощение, отражается, образуется идея, которая материализуется и возвращается на землю. Человек считает, что он думает сам, но на самом деле за него мыслит космос.

– Серьёзно? – удивилась Настя. – Получается, что человек – какая-то приёмная антенна, а не мыслящее существо.

– Ну, я же излагаю схематично, без всяких нюансов, чтобы вам понятнее было, – уклончиво ответила экскурсоводша. – Вот, к примеру, возьмём зло. Говорят, что зло порождает зло. Это уже вроде как законом считается. Так вот, когда злые мысли уходят в астрал, они формируются там в особые существа. Их называют лярвами.

– Лярвы? – удивилась Настя и прыснула в кулак. – А я всегда думала, что это бранное слово.

– Потому и бранное, что означает нечто злобное, низменное, – важно кивнула экскурсоводша. – Лярва – это порождение нашего зла. Она присасывается к тому, кто её невольно создал, – отравляет жизнь не только ему, но и всем окружающим. Лярва подпитывается только самыми низменными нашими инстинктами. Не случайно же многие люди испы-

тывают недомогание, раздражение и усталость при контакте с её носителем. Мы живем в обществе, отравленном злом. А в этом селе люди чистые, искренние.

Она, смешно взмахивая руками, принялась самозабвенно рассуждать о засорении космоса негативной энергией: чем больше человек это делает, тем чаще он ему мстит. По её словам выходило, что о мщении вселенной знали еще древние язычники, потому они и поклонялись всему живому: дереву, солнцу, реке, лесу. Все древние цивилизации гибли, когда разрушались нравственные установки. На людей обрушивались скопом все злые духи – на самом деле это, конечно же, были астральные существа. У коренных народов, живущих на Амуре, бытует поверье: мир людей и духов связан чем-то вроде тоннеля. По нему можно пройти из Среднего мира, где обитают люди, как в Верхний, так и в Нижний мир, населенный сеонами, бусеу, другими злобными существами и душами умерших предков. Граница между этими сферами якобы проходила как раз у камней с петроглифами. Недаром село называется Сакачи-Алян, что в переводе значит: граница между царством мёртвых и живых. «Сакачи» – значит, «знали, вызнали»; алян – «черта, грань двух миров».

По её словам, неподалёку от Сакачи-Альяна существуют природные каменные скульптуры: пожилая женщина и семеро ее дочерей. За спиной у старухи возвышается идол, а прямо перед ней лежит надгробная плита и стоит котел. Увидеть всё это можно лишь когда лучи солнца падают на эти кам-

ни под особым углом – тогда обычные валуны обращаются в сказочных персонажей.

Рядом с этими нерукотворными скульптурами находится небольшая пещера, которая и считается входом в царство мёртвых. Говорят, в ней можно узнать свою судьбу. Для этого человек забирался внутрь, и если своды, до того бывшие широкими, смыкались, и он мог их потрогать, то выходило: жизнь не обещает ему радостей и успеха, путь по ней будет трудным и недолгим. А если пролезешь в пещеру, не задев камней, да и внутри тебе покажется просторно, то всё в жизни получится как нельзя лучше.

Каменную старуху местные жители издавна величают не иначе как бабушкой. От неё и семерых дочерей якобы пошли местные роды. Прародительница и после своей кончины служит потомкам добрую службу: указывает дорогу в царство теней – трусливый туда сам не пойдёт, зато мэргены и шаманы, если надо, воспользуются подсказкой старухи. Простым людям не известна тайна этих её знаков, даже не догадываются, в чём они заключаются, но, тем не менее, верят: бабушка – их защитница. Потому, как оказываются в этих местах, непременно к причудливым валунам подойдут, поклонятся и оставят щедрые дары – продукты, какие с собой есть, спички, сигареты, водкой сбрызнут камни. Делается это особенным образом: зелье разбрызгивают кончиками пальцем в разные стороны – чектырить называется.

– А я в какой-то газете читала, что эту каменную старуху

взорвали, – вступила в разговор сидевшая впереди женщина. – Какую-то дамбу там строили, понадобилась щебёнка – вот и взорвали.

– Не совсем так, – экскурсоводша изобразила на лице печаль. – Старуха-то целой осталась, а вот скульптуры четырех её дочерей разрушили. Камень, действительно, для строительства дамбы понадобился.

– Ужас! – всплеснула руками впредисидящая. – Что хотят, то и творят!

– Говорят, что строителям это просто так с рук не сошло, – продолжала экскурсоводша. – Дамбу-то построили, но, во-первых, на ней стали погибать люди, а во-вторых, пещера перестала предсказывать судьбу. Между прочим, там, в сопках, есть особый камень: в нем посередине дыра – если женщина была бесплодной, то стоило ей пролезть в то отверстие, как избавлялась от болезни. Считается, что бабушка помогала. Но как изображения ее дочерей уничтожили, так и перестала она приходить на помощь людям...

Андрей, внимая всем этим разглагольствованиям, незаметно задремал и даже не почувствовал, как Настя бережно положила себе на колени его голову. Её пальцы осторожно ворошили его волосы, гладили лоб, виски, щеки. Настя прикасалась к коже нежно, кончиками пальцем, почти неощутимо – так молодые мамы ласкают своих малышей.

## 2

Он не позвал Настю к себе, хотя ещё в Сакачи-Аляне думал о том, как хорошо бы сейчас уединиться с ней. Просто ему было скучно. Уж лучше целоваться-миловаться, чем слушать пронзительную трескотню экскурсоводши и глазеть по сторонам. Андрея не увлекали все эти камни с какими-то странными древними рисунками, не вызвали у него восторга и развлечения в виде песен-танцев под бубен и вой дучиэкен<sup>13</sup> – так, кажется, называется эта странная штукавина со струной.

Экскурсоводша, правда, пыталась сгладить впечатление: «У настоящего мастера дучиэкен поёт как струя в горном ручейке. Местные жители считают, что она умеет плакать и смеяться, как живая душа – это от мастерства исполнителя зависит. Просто девушки ещё не научились на этом инструменте играть, всё у них впереди. Главное: возрождается национальная культура...»

Но Андрея как-то мало волновало это возрождение. Всё, что им тут показывали и рассказывали, было далеко от его повседневных забот и проблем. А может быть, просто не было настроения. Поначалу он относился к своему временно-ничегонеделанью как к чему-то несерьезному – подума-

---

<sup>13</sup> дучиэкен – нанайский музыкальный инструмент ( «нанайская скрипка»)

ешь, кафе закрылось, зато выдали пособие, деньги пока есть, а работа... Ну, была бы шея, а хомут найдется. Однако работу ему никто предлагать не спешил, хотя, пока он был при деле, дважды звали в соседний ресторан: Андрей славился умением готовить терияки.

Вообще-то, это такой японский соус-маринад. Но говядину, приготовленную с его помощью, почему-то тоже называют терияки. Сам соус тоже надо уметь сделать. Андрей доставал через знакомых, которые бывали в Японии, сладкое рисовое вино мюрин – это основа для маринада. К нему в определенных пропорциях добавлялись соевый соус, 57сахар и молотый имбирь. Мюрин, конечно, можно было заменить сакэ или даже вермутом, но вкус терияки от этого становился совсем другим – грубоватым, без того особенно-го, сильного аромата, который пропитывает, кажется, каждую клеточку хорошей говяжьей вырезки. Жарить её надо было на углях – никаких барбекю и духовых плит, только – угли. Тогда говядина, покрывшись хрустящей корочкой, сохраняла сок, который придавал блюду особенную пикантность. А если маринад, в котором выдерживалось мясо, прокипятить минут пять, то он уже становился соусом: поливай им рис, овощи и подавай вместе с говядиной.

Возможно, этих тонкостей не знали кулинары из соседнего ресторана: Андрей специально ходил туда отведать терияки – ничего особенного, мясо как мясо, только обильно сдобренное кунжутным маслом, которое перебивает изыс-

канно-нежный аромат мюрина. И, к тому же, повар забывал вынимать из надрезов в мясе дольки чеснока и поливал блюдо соевым соусом. Это уж совсем развеселило Андрея: у его коллеги не было никакого понятия о тонкостях приготовления особенно сочной говядины!

Городские гурманы специально приезжали на его терияки, хоть и стоило это блюдо прилично, Не часто, но всё же приезжали. Так что кафе с полудебильным названием «Ивушка» считалось заведением с изюминкой. Кстати, у входа в него действительно росла ива – высокая, раскидистая, она стояла тут ещё с советских времён, а в самом помещении была обыкновенная столовая. Потом, в перестройку, тут открыли забегаловку-закусочную, и все мужики округи говорили: «Пойдем к ивушке, пивка попьём...» Новый хозяин так и назвал кафе. Жаль, конечно, что продержались недолго. Но попробуй выдержать конкуренцию, когда на каждом углу ставят палатки с пивом, лотки с чебуреками-пирожками, да и новых кафе с ресторанчиками полным-полно.

Андрей попробовал сам походить по кафе, спрашивая работу, но обычно слышал вежливое: «Спасибо, но у нас нет вакансий». В одном месте, правда, сначала обрадовались, узнав, кто к ним наведется – слава о его терияки всё-таки бежала впереди него. Но он сглупил, наверное, потому что выдвинул условие: зарплата не меньше стольких-то тысяч рублей, два выходных, все социальные гарантии. Директор сра-

зу поскучнел: «Знаешь, мы, пожалуй, обезьянничать не станем: все увлеклись этой азиатской кухней – значит, нам сам бог велел возродить русскую народную кухню. Другое у нас направление, сынок...»

Возродить... Этот глагол иногда просто бесил Андрея. Россию – возродить, производство – возродить, село – возродить, культуру – возродить, даже кулинарию, чёрт побери, – возродить. Да что же это за такое? Будто и не живём, а лишь стремимся к жизни, и всё вокруг только и ждёт какого-то возрождения! Наверное, ещё и поэтому ему не понравилась ни экскурсия, ни экскурсоводша, которая без конца твердила: «Ах, возрождение... рождение... зарождение... ах-ах!»

И Настю он не позвал к себе по причине «рождения-зарождения». До поры – до времени она была девчонка как девчонка, любовь и всё такое, встречи-гулянья, романтика с луной, ночными купаниями в Амуре, чтением стихов, потом – отличный секс, обалденный просто. Но в последнее время она всё чаще почему-то стала говорить, что любит детей и спрашивала у Андрея, а кого он хотел бы – мальчика или девочку, а если девочку, то как её назвал бы, а если мальчик будет похожим на нее, Настю, то станет счастливым – примета такая есть, а если девочка – на Андрея, то – ой, проблем с ней не оберешься: симпатичная будет, мальчики стаями, как кобели, за ней бегать станут – нет уж, лучше пусть мальчик, он хоть в подоле не принесёт, а то, что может быть

гулёной, так это ничего: перебесится, успокоится – придёт любовь, женится...

– Вот ты же перебесился уже? – спрашивала Настя. В её преданных глазах было ожидание положительного ответа. Но Андрей не хотел врать.

Кроме неё, у него была ещё одна женщина, официантка Надежда, – старше на шесть лет, разведёнка, с почти десятилетним сыном на руках: выскочила замуж в девятнадцать лет, так сказать, «по залёту», первый год вроде нормально жили, а потом двадцатилетний муж, по её словам, начал изменять, прикладываться к бутылочке, короче – терпела целых девять лет, а потом: «Вот, милый, твоя дорожка, а это – моя, идём по жизни врозь», и разбежались. Кто там был прав, кто виноват – это Андрея не интересовало. Скорее всего, Надежда тоже не ангелица была, судя по тому, как быстро ему отдалась: утром перемигнулись в подсобке, днём перекурили на пару, поболтали о том – о сём, а вечером вопрос: «Понимаешь что-нибудь в микроволновках? Она у меня не фурычит. Может, зайдешь посмотреть?»

Микроволновка, однако, работала исправно: Андрею лишь пришлось воткнуть штепсель в розетку – оказывается, его вилка не доходила до конца, и требовалось небольшое усилие, чтобы добиться контакта.

Надежда деланно смутилась, даже щёки порозовели: «Ой, ну и дурёха! Сама могла бы догадаться. Вот что значит баба без мужика живёт. Ни подскажет никто, не приласкает,

не обоймёт...»

«Обожмёт», – хотел поправить Андрей, но лишь усмехнулся и снял свитер:

– Чаем-то напоишь?

– И не только чаем, – засуетилась Надежда. – Вот, водочка. Хорошая, московская, в холодильнике стояла. Вот – мясо, сама запекала, по-французски...

По-французски она умела делать не только мясо, и это особенно впечатлило Андрея: так жарко и страстно его ещё никто не ласкал. Надя была обворожительно бесстыдной, все вещи называла своими именами и ничего не стеснялась. Словно оправдываясь, она, в конце концов, горячо выдохнула ему в ухо:

– Голодная я...

– И я тоже, – не понял он. – Пойдем мяса твоего поедим.

– Ой, какой дурашка! – взвизгнула Надя. – Мужика у меня давно не было – вот и голодная до этого дела. Так бы и проглотила!

У него, конечно, были женщины, но таких выдавших виды и безотказных ещё не попадалось. Надя, правда, ссылалась на опыт замужней жизни: мол, бывший благоверный всему научил, а до него она скромная была и ни о чём таком даже и не подозревала. Но Андрей тоже не вчера родился и знал, что если женщине что-то не нравится, то хоть запросись – не уступит, а если уступит, то лучше бы этого не было: будто одолжение делает, скованно, неохотно – никакого удоволь-

ствия. А вот Надежде нравилось доставлять радость и она была охоча до всяких экзотических игр как в постели, так и вне её – они разве что на шкафы не забирались.

Правда, как бы хорошо не было Андрею с Надеждой, а как только он выходил из её квартиры, так и охватывала его какая-то непонятная тоска. Он чувствовал себя опустошенным, выжатым, как лимон и таким усталым, будто вагон угля в одиночку разгрузил. А главное, недавний экстаз радости обладания сменялся тупым равнодушием: ничего не хотелось, разве что – придти домой, завалиться на диван и спать. Ну, никак уж не на крыльях любви летать, как об этом пишут в романах.

Впрочем, нечто подобное он испытывал с Настей: накануне свидания Андрея одолевало что-то вроде лихорадки – хотелось, чтобы время шло быстрее, и он постоянно взглядывал на часы, и чистил без того чистые брюки, и умывался-размывался, и снова принимался наводить блеск на туфли, и придирчиво осматривал себя в зеркало (никому бы в том ни за что не признался!), и садился в кресло перед телевизором, но что бы там ни показывали, – это его не привлекало, и он снова начинал бегать по квартире, смахивая малейшие пылинки, поправляя накидки, подравнивая книги на полках – если Настя согласится придти к нему, то пусть видит: всё у него чисто, опрятно, и даже простыни только что из прачечной – хрустящие от крахмала, пахнущие лимоном, дивно свежие.

Наступало время – и он вылетал из дома, и всё вокруг ему нравилось: и пыльный палисадник у подъезда, и клумба, выросшая такой высокой красивой лебедой – в ней терялись георгины, посаженные соседской бабой Пашей, и эти два тополя с сорочьими гнёздами на верхушках, и даже вечно не сохнущая лужа у канализационного колодца не раздражала его: в ней отражались его до блеска начищенные туфли, и, как на фотоснимке, отпечатывалось лёгкое облачко, и тёмно-зеленый куст сирени, и сам он – в белых брюках, легком бежевом свитерке, стройный и, чёрт побери, элегантный как рояль. Ля-ля-ля, элегантный эlegant, и не мальчик, а гигант! Ему казалось, что он не шёл, а как бы воспарял над землёй – ну, не то чтобы совсем уж как ангел – в небо, а по крайней мере – почти не касаясь земли, легко и свободно, весело и беззаботно, улыбаясь этому прекрасному миру, в котором есть такая очаровательная девушка по имени Настя.

С ней он понял, что есть такие слова, которые, как летучие мыши, боятся дневного света. Они, оцепеневшие, дремлют где-то в глубине груди, а может быть, даже и в самом сердце – трогательные, хрупкие, наивные, эти слова боятся показаться смешными и нелепыми.

Яркий свет пугает их, но они могут постепенно привыкнуть к нему, и вылетают потом даже днём, но при одном условии: слышать их должен только один-единственный человек, который вдруг становится зайчонком, киской, белочкой, милым, единственным, березкой, ласточкой, ненагляд-

ным, лучше всех, снежинкой, незабудкой, лучиком, мышкой и Бог знает, кем ещё – любимых животных, растений и природных явлений порой всех и не перечислить.

Андрей, однако, и сам удивился, что если милые ласкательства и любовные прозвища занести в список, то он получится таким большим, что можно даже составить целый словарь. Этот лексикон не имел никакого отношения к обычной реальности: он, вышедший из тайников подсознания, был выше её. Но в этом словаре присутствовали и бесстыдные выражения, тёмные слова, восклицания – Андрей, однако, старался не выпускать их из себя: эти летучие мышки вырывались на свободу лишь в присутствии Надежды, которая вообще кричала в постели что вздумается, и если бы их услышал портовый грузчик или закоренелый урка, то наверняка смутился бы.

Днем Надежда, смущаясь, говорила Андрею, что она и сама потом смущается всего того, что сообщала ему ночью. Но сдержаться себя не могла. Впрочем, и он не стеснялся.

Надежда, как это ни странно, не исключала наличия в его жизни Насти. Или это Настя не исключала существования Надежды?

Он лишь самому себе мог честно объяснить, почему у него одновременно было две женщины. Что такое секс, он испытал, наверное, слишком поздно – в девятнадцать лет. До этого влюблялся, как и все, – ещё в детском саду («Мама, мне так нравится Оксана Березкина, она такая краси-

венькая – как куколка»), в первом классе («Бабушка, а почему Неля Петрова не хочет со мной сидеть за партой? Я её только разик за косичку дёрнул, другие пацаны всё время её достают»), в выпускном («Маман, как ты думаешь, мне первому стоит пригласить на «белый вальс» Наташу Мельникову? Помнишь, это та девочка, которой я помогал математику делать. Ну что ты, мама? И не влюбился я в нее, просто... Ну, не спрашивай меня ни о чем! Можно парню первому на «белый танец» приглашать? Или это только девчонки делают?»), в кулинарном техникуме («Бабушка, ты маме не расскажешь, если я тебе что-то скажу? Ну... Я не пойму девушек, бабушка. Представляешь, я с одной встречаюсь – гуляем, кино смотрим, на шашлыки ездим в одной компании, она вроде как моей считается, хотя у нас ничего такого не было. Знаю, что ей нравлюсь. А тут... Ну, не скажешь никому? В общем, мой друг Максим узнал, что она гуляет со взрослым мужиком, ему лет тридцать, наверное, и он ей кольцо с бриллиантом покупал в «Алмазе» – не за просто так же! И на машине её возит. А она со мной потом целуется...»), на море («Максим, прикинь: во Владике такие девчонки – ноги от ушей растут, такие симпатичные! Я с одной познакомился. Мариной зовут. Она меня с ума сводила, но делать ничего не давала. Только шутила: «Любовь бесплатной не бывает». Я от одного её вида прямо дурел. А она: «Любовь имеет свою цену», – и смеялась. Нет, я в ответ насчет её цены даже пошутить не решался. Ты что? Она на ан-

гела похожа – белокурая, голубые глаза... Да ты что? Думаешь, что это проститутка была? Ну, ты даешь!).

Так бы у него всё и продолжалось ещё неизвестно, сколько времени, если бы Максим, в конце концов, не сказал: «Всё! Твой день рождения отмечаем в сауне! Пригласим девчонок, выпьем, то да сё. Никаких возражений! Я всё беру в свои руки».

Девчонки, обе невзрачные, полненькие хохотушки, похожие как близняшки, громко говорили, напряженно курили, оценивающе поглядывали на парней, взвизгивали от дурацких анекдотов Максима и даже для вида не засмутились, когда он снял с себя плавки и предложил то же самое сделать остальным. Андрей не решался, и тогда одна девчонка – как же её звали, Таня или Лена? кажется, Таня, но какая, впрочем разница! – прикоснулась стаканом с вином к его выпуклости под плавками, провела по ней доньшком и, выпустив кольцо сигаретного дыма, спросила: «Тук-тук, здесь живёт мальчик с пальчик?» И как-то удивительно ловко, в один момент стащила с него плавки. И так же сноровисто откуда-то из-за спины вынула упаковку презервативов: «Безопасный секс – безопасная жизнь!»

Если бы он потом встретил эту девку на улице, то, наверное, не узнал бы. Она была для него всего лишь телом, в отличие от латексной женщины – шевелящейся, изрыгающей похабщину, ничего не стыдящейся, но всё равно – чем-то вроде куклы, эдакой секс-машинки с дырками: можно поиг-

рать, сделать что угодно, освободиться от этой проклятой тяжести в низу живота – выстрелить, выпалить, излить, опустошиться и, оттолкнув партнёршу, забыть.

Потом у него заводились другие женщины – и продажные, с которыми Андрею было легко, потому что ничего объяснять им не приходилось, и обычные, которые надеялись на что-то серьёзное, тем более что он считался завидным женихом: от бабушки ему досталась в наследство однокомнатная квартира. Иногда ему даже казалось, что жильё привлекает женщин даже больше, чем он сам. «Я вот тут поставила бы диван – так удобнее, а здесь, у окна, журнальный столик, – такие обычно разговоры заводились. – И почему ты не сменишь шторы? Давай, помогу тебе выбрать их! А почему газовая плита старая? Сейчас в кредит можно купить хорошую импортную плиту...»

Но он не хотел менять ни шторы, ни плиту, ничего. Он хотел, чтобы его хотели (ах, какой банальный каламбур) самого по себе, без всяких квартир, денег, других материальных благ – просто нуждались бы в нем, любили бы каждую клеточку его тела, уважали его мнение, скучали бы без него и безоглядно, как в омут с головой, бросались бы в его жизнь и ни о чём не жалели.

Надежда тоже не бросалась в омут с головой, но, как более опытный и трезво мыслящий человек, говорила ему: «Тебе нужна женщина, мне – мужчина. Ты меня устраиваешь, и я тебя – тоже. Чем бегать по всяким блядам – ещё заразу какую

подцепишь, – уж лучше ко мне приходи. Только сначала позвони, чтобы я успела Антошку к матери отправить. А так я всегда для тебя готова...» Он смеялся: «И даже подогреть не надо?» Она бессовестно, не пряча влажных, светящихся глаз, отвечала: «Ага! Такой агрегат моментально меня заводит: чик – и вся уже теку...»

Боже-боже, какие же пошлые, бесстыдные и ужасно неприличные вещи она порой говорила! Ему даже казалось, что Надежде нужны такие слова, чтобы прикрыть откровенную наготу простого чувственного влечения – к нему, его члену, рту, который она любила терзать крепким длинным языком: крепко прижималась губами к его губам, настойчиво разжимала кончиком языка его зубы, вторгалась внутрь, касалась десен, проводила по нёбу, заводила его ритмичным поступательным движением, в такт движениям члена. Но как только отрывалась от его губ, болтала бесстыдно, много, без умолку. И это ему нравилось. Как нравилось и то, что их сближает только секс, дружеские отношения и ничего более, по крайней мере, не надо врать, что он её любит и всякое такое. Возможно, она имела на него виды, но никогда не заводила разговоры о том, чтобы жить вместе, узаконить отношения и так далее – она нуждалась в его теле, тепле, постоянстве, и он ей, кажется, подходил как мужчина, а если грубее, то – как самец. А ему нужна была женщина – в физиологическом смысле, как говорил великий граф российской литературы, «для здоровья». Цинично? Да, наверное. Но раз-

ве прилично покупать продажных женщин, чтобы удовлетворить свою похоть? И если мужчины все такие нравственные, то, интересно, для кого же ярко цветёт и щедро плодоносит сад проституции? И отчего насилуют? И обманывают своих жён, невест, подруг? Вопросы простенькие. Ответики могут быть посложнее. Но ясно одно: всё это происходит ещё и потому, что мужчине (равно, как и женщине) чего-то не хватает в привычной интимной близости, или самой близости не хватает, или по каким-то причинам нельзя сделать то, что в фантазиях, мечтах, снах – очень хочется, а вот в жизни – грех, неприлично, нельзя. С Надеждой можно было всё.

А Настя – это совсем другая история. Чистая, даже внешне какая-то светлая: чуть рыжеватые, золотистые волосы до плеча, ясные голубые глаза, белая, плохо загорающая кожа, – она порой вызывала у Андрея смущение. При ней нельзя было употреблять крепкие словечки – Настя тут же удивлённо скидывала голову: «Ты что? Я с матершинниками не общаюсь». И уж тем более на любой маломальский скабрёзный анекдот или намёк Настя реагировала как несмышлёная девчонка: щеки покрывались розовыми пятнами, мочки ушей пунцовели, она опускала глаза и прикусывала нижнюю губу. И вот это-то больше всего распалило Андрея.

Когда он понял, что он её первый мужчина, то даже испугался. Потому что точно не знал, любит ли её. А Настя, судя по всему, уже не представляла жизни без него: говорила, что

ей ничего не хочется делать, если его рядом нет, и всё время думала о нём, представляла, что бы он сказал в ответ на тот или иной её поступок, как засмеялся бы, посмотрел...

А он после свидания с ней на следующий день мог пойти к Надежде, и если представлял Настю, то на месте своей разбитной подружки: вот это сейчас делает Настя, и вот так обнимает его, трогает тоже Настя, и бесстыдные слова шепчет тоже она. Но любил ли он её так, чтобы отказаться от всех других женщин, – этого он не знал. Хотя Насте-то говорил: «Ты лучше всех, зайчонок мой ненаглядный!»

Но когда «зайчонок» стала лепетать про их будущих детей, он сразу остыл, поджался, и даже – смешно сказать! – его член обмяк и как улитка втянулся внутрь. «Ты что?» – наивно спросила Настя. «Перестарался, наверное, – он отвернулся к стене. – И вообще, что-то сегодня плохо себя чувствую: под кондиционером простыл, что ли, – он для убедительности покашлял. – Не хочу на тебя дышать». – «Уже всё равно надышал, – заметила она и тронула его плечо теплой ладонью. – Ну, повернись... А ты какого ребёнка хочешь первым – мальчика или девочку?» – «Насть, давай потом поговорим об этом, – он почувствовал, что начинает злиться. – Мне правда нехорошо. И этот кашель достал», – он снова для вида раскашлялся. – «Ох, я тебе сейчас горячего молока с мёдом сделаю», – она соскочила с дивана и побежала на кухню. Тут же и он тоже соскочил – быстро натянул трусы, домашние брюки, рубашку и уселся в кресло перед теле-

визором.

Так весь вечер в нём и просидел, вцепившись в подлокотники и натужно кашляя, пока Настя не помыла чашку из-под молока с мёдом (господи, это питьё – такая дрянь!) и не ушла домой. Она никогда не ночевала у него, потому что в её семье считалось неприличным оставаться девушке гостях, даже у лучшей подруги.

А через три дня после этого случая они вместе и поехали на экскурсию в Сакачи-Алян. Коллеги Насти считали их подходящей парой: она – светленькая, худенькая, невысокая, он – чернявый, глаза пронзительно серые, коренастый, но не низкий – выше подруги сантиметров на десять, и если Настя легко конфузилась, то Андрей, напротив, одним только взглядом мог заставить смутиться даже опытную женщину. Возможно, это потому лишь, что он был близоруким, всё-таки минус две с половиной диоптрии, а очки не носил – приходилось напрягаться, чтобы лучше что-то рассмотреть: некоторые принимали это за настырность.

Но что Настины коллеги думали по его поводу – это Андрея волновало мало. Его больше занимал вопрос, почему подруга вдруг завела этот разговор про детей. Может быть, она нечаянно забеременела? Был ведь такой неприятный момент: как ни берёт её Андрей, а это проклятое резиновое «изделие №2»<sup>14</sup> вдруг порвалось, и, главное, в самый ответ-

---

<sup>14</sup> «изделие №2» – для молодых читателей: так в СССР именовали презервативы

ственный момент. Правда, Настя сказала, что у неё, вроде бы, не опасный день. А вдруг опасный?

Жениться, так сказать, «по залёту» Андрей не хотел. Да и вообще считал, что ему рано обзаводиться семьёй. Он чувствовал, что для этого требовалось какое-то особое состояние души и тела – может быть, желание стабильности, покоя, порядка? А то, что у них с Настей было, напоминало горный ручей: то он скачет, как бешеный, по камням, то низвергается водопадом, то вдруг попадает в низину и течет плавно, медленно, чтобы через несколько минут снова превратиться в ревуший поток, всё сметающий на своём пути. Пожалуй, их влечение друг к другу напоминало такой ручей, но, вернее, только со стороны Андрея, потому что Настя пребывала в спокойной и счастливой уверенности, что для нее теперь не существует других мужчин, кроме него.

Как приехали в город, Андрей, кашлянув, сказал:

– Зайчонок, мне нужно ещё немного полечиться. Не обижайся, что не зову к себе...

– Может, тебе помочь надо по дому? – неуверенно спросила Настя. – Ну, сварить что-нибудь.

– А ты не забыла, что я сам повар?

– Сапожник бывает без сапог, – парировала Настя. – Если кухарка не нужна, то я медсестрой согласна поработать. Молока накипятить, чай из трав заварить, компресс сделать.

– Нет, белочка моя ненаглядная, не люблю, когда ты меня видишь хворающим, – Андрей отрицательно мотнул головой

и почувствовал спазм в горле: дыхание перехватило от нежности к этой девушке, которая хотела быть с ним рядом. — Мне лучше побыть одному...

— А ещё совсем недавно ты предлагал сходить на дискотеку, — напомнила Настя. — Там, в Сакачи-Аляне, скучно тебе было, и ты грустил, что не на пляже загораешь, а по каким-то камням вынужден лазить...

Андрей смутился, но убедительно объяснил, что, мол, хорохорился только, а на самом деле мечтал спокойно полежать, и вообще после такого похода, наверное, температура поднялась — голова болит, какая-то дурацкая слабость одолевает, веки будто свинцом налиты — глаза сами собой закрываются. Он ничего не придумывал: на грудь действительно навалилась непонятная тоскливая тяжесть, в горле першило, и не надо было имитировать кашель.

В общем, ему удалось доказать, что болеть лучше в одиночестве, ведь это такое душераздирающее зрелище для слабых юных девушек: видеть молодого человека, который похож на умирающего лебедя, и к тому же капризен, невыносимо скучен и кашляет как чахоточный. Настя неохотно, но всё же удалилась.

А он, ворвавшись в свою квартиру, швырнул сумку с купленным шаманским поясом в угол прихожей и действительно улёгся на диван. В чём был, в том и плюхнулся. Он на самом деле чувствовал себя неважно: голова тяжелая, будто в неё свинец закачали, в затылке гудело, и Андрей решил

подремать часок-другой, а там, смотришь, отлежится – и тогда можно будет позвонить Надежде. Если, конечно, соответствующее настроение появится.

Он включил негромкую музыку, кажется, что-то из бабкиных магнитофонных кассет – оркестр Поля Мориа, что ли. тихий, робкий дождь крался по черепичным, посвистывал в трубах ветерок, шелестела опадающая листва, где-то вдалеке звучала флейта, и почему-то тянуло речной свежестью – может, это был Париж, Сена, старинные дома Монмартра? Звуки умиротворяли, и Андрей закрыл глаза, представляя себе Францию, где никогда не был, но, чёрт побери, как ему хотелось в Париж!

Незаметно он задремал, и вдруг ладошки дождя, до того тихо и как-то слишком робко постукивавшие по черепице, сменились громким, резким звуком – это было похоже на бубен, и тоскливо, протяжно взвизгнула одинокая струна дучиэкен, забренчали то ли хрустальные подвески на люстре, оставшейся от бабушки, то ли колокольчики. Наверное, порывом ветра распахнуло окно, и надо бы встать, чтобы закрыть створку, а то, не ровен час, брызнет внезапный ливень и зальёт подоконник.

Он нехотя открыл глаза, и ему тут же захотелось вновь зажмуриться. Что такое? Прямо перед ним стояла маленькая, аккуратная женщина. На ней был халат, но не из материи, а из рыбьей кожи – серый, украшенный бледным, выцветшим орнаментом. Лицом она напоминала старуху Чи-

куэ, но только значительно моложе, и волосы – иссиня-чёрные, до плеч, в них – маленькие косички. Правая половина лица женщины была выкрашена черной краской, другая – красная. В руках она держала бубен, тихонько постукивала в него колотушкой.

– Кто вы? – Андрей подскочил, сбросил плед и сел в угол дивана. Его, конечно, удивило появление незнакомки, но он почему-то подумал, что видит сон, и потому особенно не встревожился.

– Не сон. Я не сон, я – аями, – женщина обнажила в улыбке крупные, редкие зубы. – Ты русский, и не знаешь, что такое аями. Но ты взял пояс шамана Кои. Значит, хочешь у меня учиться.

– Ничего я не хочу, – Андрей не понимал, как эта маленькая женщина попала в его квартиру. – Вы откуда тут взялись? Неужели я дверь не закрыл?

– Я берусь из ниоткуда, – женщина прислонила бубен к журнальному столику и уселась прямо на пол. – Я прихожу сама. Знаю, что нужна тебе. Ты пойдёшь путём посвящённых. Этому нужно учиться – вот я и пришла тебе помочь.

– С чего вы взяли, что я хочу учиться этому? Вы в своём уме? – Андрей хотел покрутить пальцем у виска, но передумал. Всё-таки женщина по возрасту годилась ему в матери – нехорошо.

– Старые шаманы поумирали, некому теперь с духами го-

ворить. Ты можешь стать сиуринку<sup>15</sup>, а если захочешь, то и нигмантэй-саманом<sup>16</sup>, – она снова показала желтые, крепкие зубы. – Ты молодой, сильный. Тебя даже можно научить быть касасаманом<sup>17</sup> – это трудно, не все выдерживают, но ты большой, крепкий. И пояс у тебя сильный, его сеоны боятся.

Женщина вытащила из-за пазухи маленькую трубочку, набила её табаком и чиркнула спичками. Коробочка со спичками была самая настоящая, и огонь – настоящий, и дым, густой, резко пахнувший какими-то приторными травами, тоже был настоящим.

Андрей во все глаза смотрел на эту аями и не знал, что ему делать. Это походило на какой-то дурацкий розыгрыш.

– Это не игра, это правда, – важно кивнула женщина. – Аями пришла к тебе, потому что у тебя пояс Кои. Великий был шаман! Люди считали его справедливым. Он всё умел делать – и лечить, и утешать, и видеть то, что должно случиться. Его духи боялись.

– Уйдите отсюда, а? – попросил Андрей, и сам как бы со стороны себя услышал: голосок робкий, с придыханием – выдает его испуг. – Что за спектакль вы устроили? Всё-таки я не запер дверь, наверное.

– Ключ у тебя в кармане брюк, – улыбнулась женщина. –

---

<sup>15</sup> сиуринку – то есть шаман-врачеватель

<sup>16</sup> нигмантэй-саман – шаман, совершающий помимо лечения больных обряды при поминках

<sup>17</sup> касасаман – шаман, провожающий души умерших в загробный мир

Дверь закрыта. Аями приходит когда захочет и куда захочет – двери существуют для людей, для аями дверей нет. Не веришь?

Она, не меняя позы и попыхивая трубочкой, воспарила над полом, немного повисела в воздухе и подплыла к стене, на которой, кстати, красовалась живописная маска африканского колдуна. Женщина покосилась на этот сувенир, что-то шепнула себе под нос и коротким, резким движением дернула личину за волосы. Маска продолжала невозмутимо скалиться, и аями, осмелев, ещё разхватила её пятёрней – личина едва не соскочила с гвоздя, на котором висела.

– Это игрушка! – рассмеялась женщина. – Ею только детей пугать. А я – настоящая. Смотри!

Андрей не поверил своим глазам: женщина прислонилась к обоям, вжалась в них и мгновенно исчезла.

– Ну и сон, – Андрей помотал головой. – Галлюцинации какие-то, а не сон!

Он встал с дивана, хотел подойти к стене, за которой исчезла приснившаяся ему аями, и тут увидел бубен, прислоненный к журнальному столику.

– Что за фокус?

Андрей почувствовал легкое головокружение, и голова снова налилась свинцом. Бубен был самым настоящим, и колотушка, которая лежала рядом, – тоже настоящая.

– Наверное, я не проснулся...

Он читал в книгах, что в таком случае нужно ущипнуть

себя – и тогда проснешься. Но проделать это с собой он не успел. Из стены появилась черно-красная маска аями, а затем, широко улыбаясь, и вся она просочилась через обои, шурша халатом.

– Живёшь – спишь, спишь – живёшь, – загадочно шепнула она. – Ты живешь! Я не из сна. Учить тебя хочу. Меня Ниохта зовут. Я с Чукке Онинка из села Городамо жила, научила его шаманить. Он великим шаманом стал. Его до сих пор люди помнят. И с Коей я жила, учила его всему. И с другими жила, учила их. Они любили меня, а я – их.

– А меня не надо, – Андрей снова сел на диван.

– У тебя нет жены, у меня нет мужа – вместе жить будем, – ощерилась в улыбке женщина. – Ниохта значит Дикий Кабан. Я сильно люблю, крепко, долго – доволен будешь.

– Что? – не понял Андрей. – В каком смысле?

– Как мужчина доволен будешь, – хихикнула женщина. – Будем вместе спать. Ты любишь спать с женщиной, я знаю. Лучше меня другой бабы у тебя не будет. И я научу тебя шаманить. Вместе начнём камлать, за это люди кормить нас станут.

Андрей взглянул на эту неопределенного возраста женщину, коротконогую, приземистую, с низко посаженным широким тазом, и, представив её в постели, даже поморщился. Аями, видимо, почувствовала его настроение и засмеялась:

– Какая надо – такая и буду! Хочешь этакую?

Она прикрыла лицо рукавом халата, зычно гыгыкнула, словно призывала кого-то на помощь, и снова показалась Андрею. Он остолбенел. Потому что перед ним была Надежда! Она смущенно покосилась на него, вздохнула и повернулась спиной. А когда обернулась, то это уже была какая-то совсем неизвестная ему девица: светловолосая, с чувственными пухлыми губками и огромными, какими-то неправдашными глазами в пол-лица, фигурка – просто для картинки модного журнала. Кажется, он видел такую девушку в каком-то порнофильме и, помнится, подумал, что хорошо бы такую соску отыметь во всех мыслимых – немыслимых пзах «Камасутры»

– Как ты подумал? – красотка скорчила недовольную гримаску. – Грубиян! Уж лучше бы делал, а не болтал.

– А я ничего и не говорил, – растерялся Андрей. Но красотка, презрительно пожав худенькими плечиками, фыркнула и отвернулась к окну. Через какие-то доли секунды она снова превратилась в Ниохту, и та, довольная, хохотнула:

– Поверил? Теперь все женщины – твои, я – все твои женщины. Ниохта хорошая, Ниохта всё умеет, и никто на Ниохту не в обиде: я хорошо сплю с мужчиной, если хочу учить его.

Андрей, однако, не хотел, чтобы эта женщина, а, скорее, какое-то привидение, оставалась в квартире. Больше всего на свете ему хотелось спать, и чтобы никто не мешал, и не снились всякие дурацкие сны.

В какой-то книге он читал, что в подобных случаях нужно

не только щипать себя, но, например, спокойно повернуться на другой бок и сделать вид, что всё происходящее тебя ровным счетом не интересует: ты – отдельно, и снящееся – отдельно, само по себе.

Не обращая внимания на женщину в халате из рыбьей кожи, Андрей снова лёг на диван и, повернувшись к ней спиной, накрылся пледом. Но не тут-то было! Ниохта присела рядом, тронула его ледяной цепкой лапкой – он даже вздрогнул: кожа женщины была холодной и липкой.

– Не обижай меня, – шепнула она. – Если не послушаешься Ниохту, тебе плохо будет, убью тебя! И пояс Кои не поможет, не защитит тебя. Ты не знаешь, как им пользоваться. Я должна тебя учить. Ты великим шаманом станешь.

Андрей не отвечал. Он с трудом переносил затхлый дух старой рыбьей кожи, да и сама женщина, видимо, не утруждала себя чисткой зубов: каждый произнесенный ею звук сопровождался очередным потоком смрада.

– Не серди меня, – женщина ухватила его за плечо и потрясла. – Когда меня сердят, я могу тигром стать. И тогда тебе не сдобровать. На пояс не надейся – он тебе не поможет.

Андрей почувствовал, что рука женщины тяжелеет, превращаясь в лапу какого-то хищного зверя: густая, короткая шерсть, холодные подушечки, из которых медленно выдвигались когти – кожей он ощущал их остроту.

– Повернись к своей женщине, – сердито и требовательно рявкнула Ниохта. – Я учить тебя пришла!

Он повернулся. И лучше бы этого не делал! Потому что над склонил морду большой тигр: его круглые, как у кошки, глаза мерцали янтарными огнями, усы топорщились, из полукрытой пасти с двумя огромными клыками вырывался смрадный дух. Зверь напряжённо глядел на Андрея, постукивая кончиком хвоста по полу. За спиной тигра вздымались два полосатых крыла.

– Я подниму тебя в небо, высоко-высоко, – тигр рыкнул голосом Ниохты. – Ты увидишь всю Землю, и то, что в ней, – увидишь, и то, что над ней, – узнаешь. Ты живёшь в Срединном мире и не ведаешь, как на самом деле прекрасна и удивительна твоя планета. Не думай, что Ниохту – старая, глупая женщина. Аями никогда не бывает глупой. Это твои женщины глупые, они верят в то, что ты любишь их. Они нуждаются в этом чувстве. А мне оно не надобно.

Андрей, не отрывая глаз от этой ужасной говорящей морды тигра, втиснулся в спинку дивана и почувствовал, как, набирая обороты, глухо и резко, до боли в висках, застучало сердце. Зверь глядел на него ласково, и в его взгляде даже сквозила нежность. Тигр сел на задние лапы, как кошка, и облизал морду широким розовым языком. Его усы встопорщились, и он, потянувшись, зевнул – из пасти вырвался тошнотворный кумар, и Андрей невольно поморщился.

– Ничего, привыкнешь, – рыкнул тигр. – Мой запах ничем не хуже других запахов. По крайней мере, он не тот искусственный, которым пользуешься ты, – зверь принялся. –

К тому же, это подделка, мой дорогой: на бутылочке жулики написали, что запах сделан во Франции, но на самом деле – в какой-то московской подворотне. Я забыла, как у вас, людей, называется эта жидкость. Кажется, о-де-коло? – последнее слово зверь произнес на французский манер.

– Одеколон, – машинально поправил Андрей и еще крепче втиснулся в диван.

– Ниохта не любит одеколон, – тигр вальяжно потянулся. – Ниохта любит, когда мужчина пахнет мужчиной. И Париж Ниохта не любит. Там шумно, много света, и люди обманывают друг друга игрой в любовь. Глупцы! Они не знают, что такое настоящая игра, и даже не предполагают, что любовь – это то, что происходит в голове. Двое думают: то, что возникло меж ними, – это удивительно, неповторимо, чудесно, и ни у кого нигде и никогда не было так, как у них. Смешные люди! Их любовь – всё равно что одеколон, заменяющий подлинные ароматы. Ниохта – настоящая, и всё делает по-настоящему...

Философствуя, тигр вёл себя вполне миролюбиво, но Андрей только и думал, как бы поскорее избавиться от наваждения. Может быть, бдительность зверя стоит усыпить, а потом попроситься, например, в туалет и, как только окажется в коридоре, попробовать выскочить в дверь.

– Ты так ничего и не понял, – зверь разлёгся на полу и лениво лизнул свой бок языком. – Я слышу каждое твоё слово, даже если ты его не сказал. От меня не убежишь. Я – везде,

потому что я аями. Ты можешь выйти в коридор, я не держу тебя. И даже за дверь можешь выйти. Но от меня не уйдёшь. Ты будешь со мной жить, потому что так хочу я. Ты даже не понимаешь своего счастья, мой дорогой.

Андрей обречённо подумал, что сходит с ума. Тигр был настолько реален, что сомневаться в его яви не приходилось. Но зверь не может, не должен говорить по-человечески, тем более – угадывать мысли. Это уже что-то запредельное, фантастика! Такое может только присниться, но был ли это сон – Андрей так и не понимал. Ему хотелось только одного – чтобы этот морок поскорее прошёл.

– Ты измаял Ниохту, – тигр зевнул. – Делай что хочешь. Я подремлю. Обожду, пока ты надумаешь учиться у меня.

Зверь, недовольно поморщившись, положил на лапы голову, свернул крылья на спине и закрыл глаза.

Андрей подождал, пока, по его мнению, тигр не задремал крепко, и осторожно опустил ноги на пол, встал и осторожно, шагком за шагком, выбрался в коридор. Но когда он вытаскивал ключи из кармана брюк, рука от волнения дрогнула – связка грохнулась на пол. Звук получился такой, будто гром грянул. Но Андрей всё же понадеялся, что успеет открыть дверь и выскочить на площадку.

Однако его надежды не оправдались. Когда Андрей вставлял последний ключ в замочную скважину, услышал за спиной тяжкий вздох. Он оглянулся, ожидая увидеть оскал тигриной пасти, но увидел Ниохту. Поправляя подол халата, она

укоризненно покачивала головой.

– Нехороший ты человек, – сказала женщина. – Я для тебя пришла стараться, хочу учить тебя, а ты ничего понимать не хочешь. Дай сюда ключи! Пусть они у меня будут.

Она протянула к нему руку, и Андрей, с тоской подумав о том, что уже просто готов убить эту тварь, в отчаянии схватил стоявшую в углу сумку и замахнулся:

– А ну, уйди!

Ниохта вдруг попятилась, закрыла лицо ладонями и жалобно запричитала:

– Не гони меня, я тебе пригожусь. Не доставай янгпан. Пусть он лежит в сумке. Ниохта не хочет на него смотреть. Ниохта честно служить тебе будет.

Андрей вспомнил, что в сумке лежит тот самый пояс, который он купил на экскурсии. Аями он определённо был не по нутру, иначе бы она не стала так заискивать перед Андреем.

– Ниохта не хочет смотреть в толи, – бубнила женщина. – Ниохта сначала хочет стать твоей аями, только потом можно янгпан надевать. Послушайся меня!

Андрей, однако, рывком распахнул сумку, чуть молнию с корнем не выдрал, и успел-таки выхватить из неё пояс до того, как женщина, злобно шипя, попыталась наброситься на него. Она уже вцепилась в него маленькими хищными лапками, и он почувствовал, как её ногти шильями впиваются в его плечи. Он попытался вырваться, ударил нападавшую

ногой в живот, но та, скорчившись, не ослабевала хватку.

Как только Андрей всё-таки умудрился развернуть пояс, так медные кругляшки на нем вдруг тускло заблестели, будто на них упал луч солнечного света. Аями отскочила в сторону, издала тигриный рык и пропала. Он не верил своим глазам: его наваждение испарилось, исчезло, сгнуло в мгновение ока. Будто ничего и не было, только удушливо пахло сильным, крупным зверем, да на ковровой дорожке валялся клоч халата, который Андрей вырвал, когда пытался освободиться от мёртвой хватки пришелицы.

Не выпуская пояс из рук, Андрей заглянул в комнату. Он решил, что пришелица, скорее всего, поджидает его там, надеясь застать врасплох. Но в зале никого не было.

Он подошёл к окну и выглянул в него. Если это всё-таки сон, то навряд ли за окном будет привычный пейзаж. Однако во дворе всё было привычно, и даже мамыши, гулявшие там с колясками час назад, были всё те же. Правда, сменилась компания молодых людей, распивавших пиво на лавочке напротив его окна – на этот раз их было поменьше и вели они себя потише.

Андрей закрыл глаза, крепко сжал веки и подержал их сомкнутыми минуту-другую, потом снова глянул в окно: картина не изменилась, всё так же, только из арки выехала старенькая иномарка и медленно припарковалась у детской площадки. Мамаши тут же возбужденно закудахтали, привычно внушая водителю, что люди, мол, тут свежим возду-

хом дышат, а всякие автолюбители загазовывают его вылопами, и сейчас вот в ГИБДД позвоним, и посмотрим, как с вас штраф возьмут, будешь знать, как окружающим жизнь отравлять.

Водитель влез в иномарку и ретировался от возбуждённых родительниц подальше, туда, где стояла будка с электротрансформатором. Но там его уже поджидала компания старушек, которая ежевечернее высаживалась десантом на старой широкой лавке. Они дружно загалдели и замахали руками, показывая на автостоянку. Там, однако, совсем не было места. Обалдевший шофер высунулся из кабины, в сердцах плюнул на землю и порулил к арке. По ту её сторону тоже была автостоянка. Однако её неудобство заключалось в том, что её загораживала пристройка к дому, и если шофёр хотел из окна квартиры посмотреть, не угнали ли его железную красавицу, то ничего не видел.

Андрей, поглядев на привычные картинки дворовой жизни, удостоверился, что, видимо, всё-таки не спит. И тут ему стало по-настоящему страшно: ничто за окном не изменилось с того времени, как он вернулся домой. И даже несчастный водитель, затурканный пенсионерками, был тот же самый. Андрей его запомнил, потому что перед тем, как прилечь, подошел посмотреть, как чувствует себя герань – может, её уже полить надо. Цветок тоже остался после бабушки, и он знал, что старушка в этом растении души не чаяла: ей нравился аромат герани, к тому же, она ещё и лечилась её

листьями – привязывала их ниточкой в районе пульса, считая, что они снимают у неё высокое давление. В какой-то газетёнке этот рецепт вычитала, и свято в него верила, хотя не забывала принимать соответствующие таблетки. Милая, наивная бабушка!

Герань в поливе не нуждалась, и Андрей уже хотел отойти от окна, как увидел иномарку, водителя, старушек. Он, помнится, даже посочувствовал этому несчастному шоферу. И вот – та же самая картина. А ведь должно было пройти как минимум час – пока он лежал просто так, прежде чем задремать, и этот дурацкий сон, ясное дело, не минуту продолжался. А во дворе – всё та же картина.

Он посмотрел на часы и ещё больше удивился: они показывали половину седьмого вечера – в это время он и решил отдохнуть, привычно взглянув на ходики: по телевизору через час должна идти спортивная программа, которую никогда не пропускал.

Это что же получается? То ли время остановилось, то ли ничего и не было – ни сна, ни этой странной женщины с её фокусами, ничего? Может, у него что-то с головой не в порядке? Всё, что происходило всего несколько минут назад, казалось совершенно реальным, вот и кожа на плече поцарапана – впрочем, он сам вполне мог нечаянно ранить себя. Ба! А ведь там, в коридоре на ковровой дорожке, валяется кусочек халата: он отодрал его, когда боролся с аями.

Андрей вышел в прихожую. Но на том месте, где должен

был валяться клок халата, было девственно пусто.

В квартире стояла тишина, даже холодильник, который обычно рокотал, почему-то молчал. Что-то гнетущее было в этой тишине. Такое впечатление, что где-то притаилось нечто страшное, и не понятно, что это – чудовище, домо-вой, человек-невидимка или что-то ещё, но это существо рядом, затаилось, даже дыхание сдерживает, чтобы Андрей его не услышал, и уже тянет свои незримые лапы, и предвкушает, как схватит его, и будет долго-долго терзать, играть как кошка с мышкой: то отпустит, то прихлопнет, то даст надежду на счастливое бегство, то снова прижмёт к полу.

Андрей только в детстве испытывал такой невероятный страх. Когда он оставался дома один, то ему казалось, что люди на фотопортретах, которые мама развешала на стене, смотрят на него: куда бы ни пошёл – их глаза поворачивались за ним, неотрывно следили за каждым шагом, пристально и внимательно его разглядывали. Он, конечно, знал, что на снимках запечатлена его родня – деды и бабки, материна сестра – значит, его родная тётка, а усатый военный, залихватски подбоченившийся, – это вообще его любимый дядя Миша, которого он видел один раз в жизни, но запомнил навсегда. Дядя Миша сразу понял, что Андрей любит играть в прятки, и всякие забавные истории тоже любит, и умеет стрелять из водяного пистолета, а плавать – боится.

Он и научил мальчика плавать: заехали на лодке на середину озера, дядя Миша сказал: «Прыгай!» – и он прыгнул,

потому что ни на минуту не сомневался, что взрослый, если что, спасёт его, и ещё не хотел, чтобы brave майор считал его трусом – так, по-собачьи, и поплыл, а поплыв, уже не боялся ничего, и научился потом брассу, и нырять без всяких масок, и сидеть под водой долго-долго тоже научился. Так что, с чего бы ему бояться дядю Мишу? Но он, впрочем, и не боялся. Ему были неприятны эти взгляды людей с портретов, которые как бы следили за каждым его шагом.

Но самое жуткое – это когда вдруг ощущаешь присутствие в доме какой-то неизвестной, незримой силы. Весь ужас в том, что ты ничего не видишь, а тебя – видят! Так, по крайней мере, казалось Андрею. И тогда он в панике выбегал во двор. Чужое, жадное, страшное существо оставалось в доме, оно исчезало только тогда, когда приходила мама. Андрей к тому времени успевал прополоть грядку или полить все помидоры – надо же было как-то оправдать своё нахождение во дворе, а сказать правду о незримом чудовище он не решался. «Молодец! – хвалила мать. – Отец бы поразился, что у него сын не бездельником растёт!»

Считалось, что отец Андрея погиб в какой-то далёкой стране. Туда его послали защищать новый демократический режим. Но что это было за государство, мама не говорила. И фотографий отца в доме почему-то не было. Уже потом, став взрослым, он узнал от бабушки, что мама просто полюбила одного человека, но тот жениться не захотел – уехал, пообещав вернуться, и не вернулся. Получалось, что Андрей,

так сказать, дитя любви и страсти.

Мать старалась делать всё, чтобы ему было с ней хорошо, но мальчику не хватало отца. Может быть, отсутствие в доме сильного, крепкого мужчины и вызывало эти детские страхи? Незримое чудовище нахально располагалось в тёмном углу и насылало на Андрея тихий, холодящий душу и тело ужас. Оно явно забавлялось произведённым эффектом и наверняка довольно урчало, когда мальчишка выскакивал во двор, захлопывая за собой дверь. Оно торжествовало, и день ото дня становилось сильнее. И неизвестно, что бы случилось дальше, если бы однажды Андрею не приснился дядя Миша.

– Вот гляжу я на тебя и вижу, что тебе одному плохо, – сказал дядя Миша и, подкрутив усы, подмигнул ему. – А вдвоём-то не страшно было бы, а? Пусть мама кошку заведёт. Маленький зверёк, а полезный: и мышей ловить станет, и мурлыкать тебе, и с ним в доме оставаться не страшно.

И, правда, с появлением в доме кошки Дуньки незримое чудовище куда-то пропало. Андрей и не вспомнил бы о нём, если бы его, взрослого человека, вдруг снова не охватило это паническое, безотчётное чувство страха. Где-то в квартире затаилось нечто, хищное и страшное, незримое и ужасное. Он понимал, что это, конечно же, расшалились нервы, и никаких демонов нет и быть не может – есть лишь игра воображения, но легче от этого не становилось. И тогда Андрей решил выйти на улицу. Ему не хотелось оставаться одному: ка-

залось, что воздух наполняется чем-то гнетущим, тяжёлым – это походило на лёгкий искрящийся туман, который клубил-ся, занавешивая окно серой вуалью. Резко и удушливо запахло сероводородом, будто кто-то разбил с пяток протухших куриных яиц. Под потолком что-то потрескивало, вспыхива-ли и мгновенно гасли зеленоватые огоньки, и слышался ти-хий скрипучий шепоток: он не походил на человеческий – скорее, так шуршит песок или речная галька, по которой сту-пает осторожная нога. Всё это, такое странное и непонятное, пугало.

Андрей решил, что причина всему – его расшалившиеся нервы. Что само по себе, конечно, было странно: ничего по-добного он за собой не замечал. Детские страхи – это всё-таки детские страхи, и они давно прошли. А тут вдруг – та-кие страсти, галлюцинации, что ли? Господи Боже мой! С че-го бы вдруг? Вроде бы, с головой у него полный порядок, в помощи психиатра никогда не нуждался. Может, он просто спал, и всё ему пригрезилось? Сон, похожий на явь. Или на-оборот: явь, похожая на сон?

Вопрос показался Андрею таким нелепым, что он неволь-но хмыкнул. Однако лёгкий холодок по-прежнему не снимал своей цепкой лапки с его груди, не смотря на то, что он пы-тался иронизировать над своим беспричинным страхом.

– Ай-яй-ай, Андрюша! – сказал он самому себе, имити-руя голос бабушки. – Такой большой мальчик, а с глупостя-ми справиться не можешь. Иди, милый, погуляй, подумай,

как жить дальше, – он снова хмыкнул. – Права бабуля. Пойду-ка пройдуся. Может, хоть голова перестанет болеть. И как я умудрился простыть среди лета? Эх, хлипкая пошла молодёжь! – он снова вспомнил бабушку и улыбнулся.

Старушка любила поворчать, но это получалось у неё как-то незлобливо, по-доброму. Она любила внука и хотела, чтобы он был лучше всех. Впрочем, для неё он и так был самым-самым, но Марию Степановну не покидала тайная надежда, что это когда-нибудь заметят и другие.

### 3

Поднявшись с Амурского бульвара по обшарпанным бетонным ступеням широкой лестницы на улицу Тургенева, Андрей решил пойти на Комсомольскую площадь. С некоторых пор горожане не знают, как же всё-таки её следует называть – Комсомольская или Соборная? Потому что рядом с этой площадью построили большой православный храм – такой красивый, просто картинка! Его изображения тут же стали появляться на подарочных календарях и во всяких шикарных альбомах и книгах, которые выпускали местные издательства. Хочешь – не хочешь, а постепенно привыкаешь к мысли, что этот храм – яркая достопримечательность города. Хотя, если встать у старинного здания Дальневосточной научной библиотеки, а ещё лучше – на углу площади и улицы Тургенева, у здания краевого совета профсоюзов, то, посмотрев вправо, увидишь ещё один храм – величественный, с крестами и куполами, сияющими позолотой и лазурью, он возвышается над окрестностями торжественным символом христианской веры. А если учесть, что поблизости, минутах в пяти хода, стоит еще и Иннокентьевская церковь, то поневоле подумаешь, что на небольшом, в общем-то, пространстве культовых сооружений как-то даже и многовато. Церкви строят и в других районах города. Причём, местное начальство взялось за их строительство слишком рьяно, такое впе-

чатление: ни в чёрта, ни в дьявола не верили, закоренелыми атеистами были, много и сладко грешили, но вдруг снизошло озарение: несправедливо жили – надо покаяться, задобрить Бога, выказать своё благочестие – авось и зачтётся это рвение на том свете.

Злые языки, правда, язвительно утверждали: это мода такая пошла – президент и его окружение истово крестятся в московских церквях, попов зовут на любое мало-мальски значимое мероприятие, они уже чуть ли не общественные туалеты освящают, православие стало синонимом духовности, учителя в школах предпочитают не рассказывать детишкам, за что священный синод предал анафеме великого графа российской литературы и почему гениальный Пушкин написал «Гаврилиаду», «Сказку о попе и работнике его Балде», другие вещи, в которых от души посмеялся над нравами церкви. Если в столицах считается хорошим тоном бить поклоны в храмах и с умильным видом держать зажженные свечечки, то провинция, само собой, всё это подхватывает и старается лицом в грязь не ударить.

Когда-то давным-давно, ещё до октябрьского переворота, вблизи Комсомольской площади стояла церковь. Большевики её снесли, руины расчистили и посадили деревья, на самой площади установили громадный памятник красным партизанам и борцам за революцию, и лет через двадцать уже только старожилы помнили, что тут был Христорождественский собор, золотые купола которого хорошо ви-

дели проплывающие по Амуру команды больших и малых судов. Храм был для них вроде маяка.

Андрею храм нравился, но лишь как произведение архитектуры: он не был крещёным и, к тому же, не разделял эту внезапно вспыхнувшую у народа веру в православные ценности – на Руси это часто бывает: что люто ненавидим, то через некоторое время возлюбляем, взять тех же коммунистов: когда их власть рухнула, то народ в порыве ликования сносил памятники вождям большевизма, предавал их анафеме, на многотысячных митингах скандировал «Ельцин! Россия!», но прошло совсем немного времени – и бывшие рабы захотели надеть ярмо, вернуться в стойло, получать свою пайку и послать куда подальше всю эту перестройку вместе с демократией и свободой. Не то ли самое ожидает и всеобщую любовь к церкви?

Впрочем, думать ему об этом совсем не хотелось. Он выбрал свободную лавочку напротив клумбы с карликовыми георгинами и какими-то мелкими ярко-синими цветочками. По асфальту прямо у его ног разгуливали толстые, раскормленные голуби и между ними шмыгали юркие задиристые воробьи. С Амура дул легкий вольный ветерок, где-то совсем близко играл духовой оркестр – наверное, в парке; от солнца, садившегося на горизонте в большую сизую тучу, по небу разливался слабый малиновый сироп, и в нем барахтались черные точки – это летали стрижи.

Андрей снова и снова вспоминал в деталях то, что с ним

произошло, и никак не мог понять, что же это всё-таки было. От размышлений его отвлек невысокий полноватый мужчина, одетый, не смотря на жару, в теплую куртку, на голове у него красовалась клетчатая кепочка со смешной кнопкой-пуговицей.

Мужчина, то и дело взглядывая на лист бумаги, который держал перед собой, сосредоточенно что-то разглядывал на потрескавшемся асфальте. Его уложили совсем недавно, Андрей тогда даже пожалел рабочих: в самое пекло они старательно разбрасывали густую, дымящуюся массу, раскатывали её катками, после чего по ней ещё прохаживалась допотопная машина с чем-то вроде большого крутящегося барабана: он распластывал асфальт в ровное покрытие. Но оно довольно быстро снова пошло трещинами, в нём появились углубления и ямки, в которых скапливалась и долго не высыхала дождевая вода.

– Так-с! – сказал мужчина и ухватил себя за кончик длинного носа. – И они будут мне после этого говорить, чтоб я не совал свой нос куда не надо?

Он присел, потрогал одну трещину, другую, снова заглянул в лист бумаги и торжествующе засмеялся:

– Вот она, истина!

Андрей удивлением взирал на него, и мужчина это заметил. Он сдвинул кепку на затылок, отчего обнажилась его лысина и обнаружилось, что слева, на затылке, пришлѐпнута большая идеально круглая родинка. Будто бы её специ-

ально вырезали из коричневой бархатистой бумаги.

– Они мне, понимаешь, говорят, что нос у меня длинный, – мужчина несмело улыбнулся и виновато пожал плечами. – А что делать, если я почти как Буратино?

«Да уж, – подумал Андрей, оценивающе взглянув на нос. – У Буратино-то, пожалуй, подлиньше будет, но зато у этого он крупнее. Наверное, как у майора Ковалёва».

Андрей посмотрел на трещинки в асфальте, которые так тщательно исследовал незнакомец. Ничего особо необычного в них не было: одни глубокие, другие расходились эдакими веерами; причем, кое-где часть покрытия оставалась ровной, трещины имелись не везде. Наверное, это зависело от того, на какую почву клали горячий асфальт и как его обрабатывали.

– Буратино совал нос туда, куда ему не разрешали, – продолжал мужчина. – Но, в конце концов, он открыл потайную комнатку, и все были счастливы. Правда, замечательную историю придумал писатель Толстой?

– Неплохую, – кивнул Андрей. – Особенно про Страну дураков.

– О, это вообще гениально! – мужчина отряхнул с коленей пылинки и сел рядышком. – Страна дураков никогда не поумнеет. Я уже почти десять лет доказываю, что асфальт на этой площади неспроста именно так трескается. Когда тут уложили брусчатку – смотрите, почти вся территория площади в ней, – она стала отходить именно в тех местах,

где я фиксировал разломы в асфальте. Ясно, что это тенденция, и ясно, что это свидетельство того, что под землёй есть что-то такое, что воздействует на почву. Я сделал расчёты, по ним получается: под городом идут глубокие тоннели, в них действуют какие-то реакторы. К кому я только не обращался – к ученым, к власти, депутатам: давайте, дескать, исследовать этот феномен. Но они, дураки, отмахиваются: иди, дескать, купи успокоительных таблеток – усьмири расшалившееся воображение.

– Хм, – неловко кашлянул Андрей. – А какая, собственно, разница, как трескается асфальт? Лично мне это пофигу!

О подземных ректорах, упомянутых мужчиной, он решил даже и не заикаться. Ясно, что его собеседник, мягко говоря, странный, и если с ним говорить серьёзно, то он, чего доброго, не скоро отцепится. Сумасшедший, одним словом!

– Да вы что, молодой человек! – мужчина даже подпрыгнул от возмущения. – Вы когда-нибудь наблюдали в городском парке, он тут, рядом, такие же трещины? А замечали, что зимой лёд на одних участках вытаивает такими квадратами и ромбами, а в других как лежал, так и лежит. Наблюдали?

– Ничего странного, – ответил Андрей. – Просто под землёй канализационные колодцы есть – от их тепла снег и тает. А то, что покрытие трескается, так это в городе сплошь и рядом, никто уже и не удивляется...

– Нет там колодцев! – торжествующе засмеялся мужчи-

на. – И труб там никаких нет! А есть... а есть, – он вдруг замолчал и как-то искоса, хитро поглядел на Андрея. – А то, что там есть, это знаю только я!

– Навряд ли только вы, – усомнился Андрей. – Существуют же схемы подземных коммуникаций – всяких телефонных линий, горячего водоснабжения и прочего. Кто-то всё это точно знает, не только вы.

– Ничего они не знают, – мужчина нахмурился и отвернулся от Андрея с обиженным видом. – Знаете, тут совсем недавно стояло старинное здание студии кинохроники – в нем до революции была первая городская электростанция. Так вот, когда её стали сносить, то случайно обнаружили лаз в земле. Если бы колесо грузовика в яму не провалилось, то эти хвалёные ученые и краеведы, так ничего бы и не узнали. У них просто нет ни схем, ни документов, подтверждающих наличие под землёй... О! Впрочем, я и так уже много наболтал. Только я один знаю, что там, под нами, – он потопал ногой по асфальту. – Но мне никто не верит.

– А что там? – спросил Андрей, сохраняя на лице невозмутимое спокойствие. На самом деле ему уже давно хотелось пересесть на другую лавочку, потому что близкое соседство с сумасшедшим его как-то не прельщало. Мало ли, что у него на уме.

– Там – жизнь! – мужчина поднял указательный палец вверх. – Такая жизнь, какая нам и не снилась.

– В смысле – бактерии, микроорганизмы, черви, насеко-

мые? Те, что под землёй живут, – уточнил Андрей.

– Мужчина вздохнул, поднял на Андрея глаза, полные со-  
страдания, снова вздохнул и тихо выдохнул:

– Вы находитесь в плену устойчивых стереотипов, молодой человек. Даже древние мудрецы знали, что под землей что-то есть – другая жизнь, иная форма материи, совсем-совсем другие законы.

– А! Вы про царство мрачного Аида? – усмехнулся Андрей. – Или про ад, придуманный церковниками? А может, вам вспомнились романы фантастов о подземных жителях?

– Стереотипы! – пробубнил мужчина. – Миром правят устойчивые стереотипы. Люди не хотят выйти за их границы. Им даже лень внимательно посмотреть вокруг и увидеть, что всё совсем не так, как им представляется. Смотреть можно не только глазами. Запомните это, молодой человек!

Незнакомец вскочил и резво бросился бежать, но вдруг остановился, развернулся на сто восемьдесят градусов и подскочил к Андрею:

– Кстати, – он возбуждённо дышал, – я ощутил: у вас особая энергетика! Вы об этом знаете?

Опять энергетика, пси-излучения, всякая парапсихология! Вся эта чушь просто преследовала Андрея с самого утра: когда он сел в экскурсионный автобус, гид объявила: «Господа, мы отправляемся в благословенное место, там каждый камень излучает энергию добра...» Тьфу! И этот сумасшедший тоже вякает про такую же хрень.

– Ну и что? – Андрей сурово глянул на мужчину. – Вам-то какое дело?

– Вы могли бы послужить науке, – мужчина подбоченился. – Не думайте, что я сошёл с ума. Между прочим, я архитектор. Меня в городе многие знают. Недавно вышел на пенсию, теперь появилось время для углубленного изучения одной интересенькой проблемы, – он хитровато сощурился. – Вы на самом деле не ощущаете в себе ничего особенного?

Андрей хотел грубо ответить, что давно ощущает, как у него чешется кулак, но, учитывая возраст собеседника, всё-таки решил промолчать. Он лишь пожал плечами и посмотрел в сторону, давая понять, что собеседник его не интересует.

– Меня зовут Сергей Васильевич, – не отставал мужчина. – Я тут частенько прогуливаюсь. Можем как-нибудь серьёзно поговорить. Ах, да! У меня визитка есть. Вот, возьмите, – он протянул белый прямоугольник картона. – Вижу, вы сегодня не в духе. Извините за беспокойство.

Церемонно поклонившись, он развернулся и, ускоряя шаг, вскоре исчез из виду. Андрей посмотрел на визитку. «Сергей Васильевич Уфименко, исследователь непознанного, – значилось на ней. – Телефон...»

Он машинально положил визитку в карман рубашки. Зачем Сергей Васильевич оставил ему свои координаты, Андрей не понял. Никаких общих интересов у них вроде бы не обнаружилось. Может быть, он из тех мужчин, кото-

рые интересуются молодыми парнями? Хотя вряд ли, как-то не похож он на женоподобного, да и возраст исследователя неведомого уже, видимо, не располагал к интимным приключениям. Хотя как знать! «Виагра» – то в каждой аптеке нынче продается.

«Фу! О чём я думаю! – одернул себя Андрей. – Наверное, он про эту чертову энергетику хотел со мной поговорить. Шарлатан или сумасшедший! Какая такая энергетика? Может, у меня просто температура?»

Тыльной стороной ладони он потрогал лоб. Он был тёплый, в легкой испарине, но это от того, что воздух загустел, было душно, и даже легкий ветерок не освежал разгорячённую кожу.

Напротив лавки, на которой сидел Андрей, через дорогу над резным козырьком парила экстравагантная, вся в пальмах и попугаях, вывеска «Какао». Так называлось новое кафе, которое в одночасье стало модным: здесь, как слышал Андрей, собиралась местная «золотая» молодёжь – сынки и дочки богатых родителей, сами палец о палец не ударившие, но имеющие выдумку тратить их деньги.

В «Ивушку» такие обычно не заглядывали, да и откуда им взяться в микрорайоне из «хрущоб», среди чахлой растительности и бесчисленных помоек? Если такие молодые люди и появлялись в том кафе, то только затем, чтобы отведать диковинного мяса по-японски. Они с недоумением взирали на столы, по-деревенски покрытые холщовыми скатертями,

разглядывали на свет принесенные бокалы: посудомоечной машины не было, а Ленка мыла их почти что для вида – сполоснет под горячей водой и ставит на сушилку, на стекле, конечно, оставались разводы. Уж как ни ругал ее директор, а всё без толку. «Подумаешь, – кривилась Ленка, – бары какие! Чо, в этих стаканах ведь не суп был! Сполоснул – и ладно. А тарелки я хорошо драю, мыла не жалею. А стакан, он и есть стакан, чо его зря тереть? Ещё уронишь! Опять с меня вычтете ползарплаты...»

«Какао» даже внешне выглядел дорого: затемненные стекла, посверкивающие серебром, строгая дверь из дуба, изящная медная ручка, начищенная до блеска, и как только войдешь, на тебя пахнёт смесью корицы, лимона, шоколада и ванили – экзотический, дивный аромат легко струился откуда-то из центра зала. Он напоминал не о кухне – скорее, походил на дорогие духи, напоминавшие о жарких странах, знойном небе, причудливых пальмах, голубом прекрасном море, фрегатах...

Андрей решил, что может позволить себе маленькое удовольствие – выпить, например, немного «Беллини». С этим намерением он и подошёл к стойке бара, опустился на высокий стул и, не глядя в карточку меню, решительно произнес: – «Беллини», пожалуйста.

Бармен то ли не расслышал, то ли был туговат на ухо, потому что переспросил и, получив ответ, покачал головой: – Нет, такого не держим.

– Зачем держать? Такое делать надо, – удивился Андрей. – Классический коктейль, ничего особенного: свежий персик – вон у вас целое блюдо с ними стоит, сахарный песок и двести граммов шампанского.

Бармен посмотрел на Андрея, перевёл взгляд на крупные розовые персики, покрытые нежным пушком, снова взглянул на посетителя и пожал плечами:

– Беллини – это, если не ошибаюсь, итальянский художник эпохи Возрождения. Неужели в его честь назвали этот компот из персиков и шампанского? Как-то слишком просто для такого знаменитого человека.

– Всё лучшее на самом деле достаточно просто, – возразил Андрей. – Странно, что у вас не знают о таком коктейле. Заведение-то, вроде, порядочное.

– Да, не простое, – подтвердил бармен. – А вы, молодой человек, гляньте в меню, выберите оттуда по вкусу...

На соседний стул примостился неведомого откуда взявшийся господин лет сорока в легком темно-синем костюме с бабочкой на шее. Бармен угодливо кинулся к нему, но тот слабым манием руки отослал его, и буфетчик был вынужден вернуться к Андрею. Ему явно не нравился посетитель, который, по его мнению, привередничал и строил из себя знатока напитков. Знатоки не одеваются так простенько: старенькие джинсы, к тому же наверняка произведённые в какой-нибудь азиатской стране – пузырятся на коленях; белая футболка с сероватым оттенком – скорее всего, от стирки хо-

зыйственным мылом, да и кроссовки тоже не фирменные, это видно по грубо приклеенным подошвам. Но и Андрею тоже не нравился этот самодовольный парень с какой-то ненастоящей, лубочной розовощекостью на гладком лице. Слишком уж задаётся! А кто он, по существу? Обслуга!

В меню значились Коктейли «Дружеский», «Летний», «Вишнёвый», «Тройка», «Рамосджин», «Розовая леди», «Хэмингуэй»...

– О! – воскликнул Андрей. – Интересно, этот «Хэмингуэй» по рецепту Руфина Сафина сделан? Так-с, вот рецептура: светлый ром... хм, интересно, какой именно?... сухой вермут... надеюсь, не молдавский?... лимон... Но в этом коктейле должна быть цедра! И, позвольте, какой именно ликёр в нём? Тут нет его названия...

Бармен просто окаменел. Его лицо застыло как гипсовая маска, лишь глаза бегали туда-сюда, от изумления он даже рот приоткрыл. Мужчина в бабочке тоже с интересом смотрел на Андрея, прислушиваясь к разговору.

– Всё-таки в этом коктейле ликер «Кюрасо» или какой-то другой? – не отступал Андрей. – А веточка базилика не предусмотрена вовсе, что ли? В рецептуре о ней нет упоминания.

Бармен наконец обрёл дари речи и выдавил:

– Вы сюда заказ пришли делать или ревизию наводить?

– Видишь ли, дорогой, – Андрей позволил себе перейти на «ты», – если я хочу коктейль «Хэмингуэй» и если он зна-

чится в меню, то изволь подать мне именно «Хэмингуэя», а не подделку под него. Ты что, разве не знаешь, что именно этот коктейль в 1993 году получил серебряную медаль на всероссийском конкурсе барменов?

Мужчина в бабочке вдруг захлопал в ладоши:

– Браво!

Бармен растерянно крутил в руках белоснежное полотенце, стараясь справиться с волнением.

– Что, сделал тебя посетитель? – ласково спросил его мужчина, и в этом нежном тоне чувствовались зловещие нотки. – Постоянно твержу: учиться нужно! Ты что, в самом деле не отличаешь «Кюрасо» от других ликеров?

– Отличаю, – виновато потупился бармен. – Но почему я каждому встречному-поперечному должен что-то объяснять? Их ходит тут много...

– Так-с! А ты у нас один, – язвительно хохотнул мужчина, и его зрачки загорелись желтым светом. – Скажи-ка, в каком бокале ты бы подал этот коктейль молодому человеку?

– Ну, в высоком, – неуверенно ответил бармен. – А базилика у меня нет. Его сегодня вообще не привозили.

– «Хэмингуэй подают в коктейльной рюмке», – заметил Андрей. – Предварительно её следует охладить. Даже неловко напоминать эти азы.

Его импозантный собеседник бросил совершенно уничижающий взгляд на человека за стойкой, хмыкнул, нахмурился и постучал костяшками пальцев по столешнице:

– Так-с! Не хочешь ты учиться, Дмитрий. Не держишь марку заведения.

– Позвольте, я стараюсь, я... – начал было оправдываться бармен, но мужчина недовольно поморщился и небрежным движением руки велел ему замолчать.

Андрей уж и сам был не рад, что затеял этот разговор о коктейлях, но, с другой стороны, самонадеянный и напыщенный Дмитрий ему не понравился, и надо же было как-то потыкать его носом. То, что он сам знал множество рецептов коктейлей, – так это неудивительно: в техникуме лекции о напитках были его самыми любимыми, да и дома он частенько изобретал что-то своё, смешивая самые разные вина, соки, ликеры – гостям это нравилось.

Импозантный господин наконец представился: «Роман Викторович!» Оказалось, что он заместитель директора «Какао», и ему, мол, льстит, что в их заведение заглядывают такие знатоки, и он был бы рад, если бы если бы Андрей высказал свои замечания по кулинарии – это, мол, нужно знать, потому что кафе молодое, только начинает работать, но престиж у него должен быть высоким, – и всё такое в том же духе. Но, мельком глянув на прејскурант, Андрей вежливо отказался оценить искусство поваров:

– Лишнюю тышчонку-другую в следующий раз прихвачу, – пообещал он, смеясь. – Сейчас не при деньгах, так сказать.

Выяснив, что Андрей временно безработный и узнав, что он работал в «Ивушке», господин простецки присвистнул:

– Как же, как же! Теряки! Боже, кто ж не знает ваш изумительный теряки! Ни за что не поверю, что у вас нет работы.

Андрей решил схитрить и сказал, что вообще-то предложения есть, но они его не устраивают. Потому и находится, так сказать, в свободном полёте. На что тут же последовал ответ, что свобода – это самое сладкое слово на свете, но оно вдвойне слаще, если подкреплено материальной независимостью. Андрей, в свою очередь, поинтересовался, во сколько оценят его приземление на кухне «Какао», и, услышав ответ, даже сначала не поверил ушам: предложенная сумма намного превышала ту, на которую он рассчитывал.

– Но это, впрочем, не предел, – поспешно сказал заместитель директора, на свой лад истолковавший молчание Андрея. – Всё будет зависеть от вас. А мы ценим хороших, умелых профессионалов.

– Ну вот, – замялся Андрей, – зашёл, называется, выпить чего-нибудь...

– А что? Давайте вместе выпьем! – подхватился господин. – Дмитрий, налей-ка нам шампанского, да нет же, не сладкого, а сухого! Отметим этот день!

Они выпили, и Андрей пообещал придти завтра для оформления на работу. Это было для него так неожиданно, что он даже подумал, что всё похоже на какую-то странную игру. Ну, думал ли он, что его примут в такое шикарное заведение? А что, если у него тут не получится? А вдруг этот

господин пошутил, и обещанной зарплаты ему не видать как своих ушей? Да и врага сразу нажил себе – Дмитрий наверняка будет козни строить, не в силах забыть сегодняшнее унижение. Но, с другой стороны, деньги у Андрея уже кончались, и хочешь – не хочешь, а нужно было устраиваться хоть на какую-то работу, и «Какао» – это всё-таки неплохой вариант, очень даже неплохой: на кашках да салатиках квалификацию тут не потеряешь, наоборот, судя по разговору с Романом Викторовичем, в заведении ценится умение готовить оригинальные, экзотические блюда – значит, будет интересно что-то искать, выдумывать, пробовать.

Из «Какао» Андрей вышел приободрённым. Солнце уже давно скрылось за горизонтом, и в небе над Амуром просвечивали лишь слабые, бледно-розовые отблески, потянуло сырой свежестью, и на клумбах сильнее запахла резеда.

Спускаясь по лестнице на бульвар, Андрей боковым зрением уловил какое-то легкое, смутное движение в кустах: те из них, что примыкали к бетонным боковинам лестницы, были коротко подстрижены, открывая вид на живописную куртину из березок и широких, лохматых вязов. Высокую, выше пояса полынь и разлапистую лебеду лениво покачивал ветерок. Но это было не то движение, которое привлекло внимание Андрея. Он чувствовал, что в зарослях вяза кто-то есть: ветви шевелились, слышался легкий треск. Вдруг одна из ветвей нагнулась, и Андрей увидел морду лося. Это точно был лось, большой, красивый, с короной рогов – прямо-таки

картинка из учебника зоологии.

Животное жевало пучок сорванной листвы и смотрело на Андрея влажными темными глазами, в его зрачках мерцали золотистые искорки. Лось был совершенно спокоен, но зато Андрею стало не по себе: когда сохатый повернулся боком, то он увидел, что на нём проступает что-то вроде той спирали, которую в Сакачи-Аляне экскурсоводша назвала космическим символом.

Лось будто бы специально демонстрировал Андрею этот рисунок на своем боку. Он стоял неподвижно как памятник, и даже жевать перестал.

Спираль на боку животного вдруг засветилась слабым желтым цветом, отчего рисунок постепенно прояснялся чётче, грубее, и чем ярче становился свет, тем рельефнее делалась спираль: она будто ожила, запульсировала, и в глубине её Андрей увидел другие спиральки – им не было числа, и каждая тоже светилась, мерцала. Это походило на свечение жуков-светляков, но в отличие от их мертвенно-бледных огоньков это мерцание было живым, горячим.

Лось наконец пошевелился, и свечение, вспыхнув, прекратилось. Животное потянулось к соседней ветке, ухватило её мягкими губами и принялось обглаживать кору. Спираль с его бока пропала, и сколько Андрей ни вглядывался, так больше и не обнаружил её.

По лестнице спускалась весёлая, смеющаяся пара. Лось, услышав голоса людей, ломанулся вглубь куртины, ветви

за ним сомкнулись: вот он был – и нету.

Для одного дня событий в самом деле было слишком много. Андрей чувствовал себя усталым, разбитым, и к тому же невыносимо разболелась голова. Хотелось одного – лечь на диван, закрыть глаза и провалиться в темную глубину сна.

Он так и сделал. Но прежде чем лечь спать, на всякий случай, подтрунивая над собой, положил рядом на полу тот самый шаманский пояс. Если снова ему привидится какая-нибудь анчутка, то он уже знает, чем её отпугнуть.

## 4

Андрей забрался на сопку, на вершине которой стоял приземистый раскидистый дуб. Он напоминал шатёр, с одной стороны малость помятый: корявые ветви согнуты, листьев на них меньше – это из-за северного ветра: особенно сильно он дул тут зимой, и тогда от стужи лопалась кора дуба, но само дерево ни за что не хотело пригнуться в поклоне перед сиверко, и ветер от злости обламывал ему ветви. В густой короткой траве пылали звездочки красных саран, соблазнительно манили золотым блеском лютики, и, казалось, вот-вот забьют язычки тяжелых бронзовых колокольчиков никогда прежде не виданных Андреем выюнков: они опутывали таволгу, белоснежные кисти которой источали медвяное, приторно-сладкое благоухание.

Он сел под дуб и глубоко, с наслаждением вдохнул воздух, пропитанный зноем и одуряющим ароматом трав и цветов. Отсюда, с вершины сопки, хорошо был виден берег реки: широкая отмель, вяло поблескивающая серебром волн, вдоль неё – песок вперемежку с разноцветной галькой, кое-где лежат тёмные валуны с проплешинами седого лишайника. Песчаная полоса была границей между рекой и рощей, в глубине которой виднелась странная полянка: бугристая, темно-серая, без единой травинки, она наверняка была сплошной базальтовой плитой, вынесенной каким-то при-

родным катаклизмом наверх. Подтверждением этой версии служили вывороченные из земли огромные камни, в трещинах некоторых из них росли хилые деревья и кустилась трава.

На каменной поляне высилось сооружение из трёх базальтовых плит в форме буквы «П», причём нижние плиты были наклонены к центру, верхняя лежала на них идеально ровно, прямо посередине её был установлен столбик из камня. Андрей знал, что тень от этого столбика вслед за солнцем двигалась по кругу, аккуратно выложенному из черных и белых камушков – так люди, именовавшие себя Посредниками, следили за ходом времени. По каким-то, только им одним ведомым правилам, они точно знали, когда злой черный ворон снова поглотит солнце – и наступит мрак, завоюют собаки и притихнут птицы, и они же ведали, долго ли, коротко ли это продлится. Посредники были в курсе, когда луна станет круглолицей – по ней они гадали о предстоящих дождях, начале хода кеты, разливах реки, и даже могли предсказать пришествие страшных духов, напускавших на людей мор и болезни. Однако незримые сеоны боялись Посредников, потому что те знали, как их увидеть и сразить своими меткими стрелами.

Напротив П-образной постройки находился камень с плоской макушкой в виде чаши, в ней горел костер. Белёсый дым от него ветер относил в сторону громадных валунов, которые стояли в ряд как хорошо обученные воины.

На этих камнях были выбиты изображения духов, священных животных и какие-то таинственные знаки, значение которых знали только Посредники.

Самих Посредников Андрей ни разу не встречал. Люди с восторгом, граничащим с ужасом, рассказывали о них всякие небылицы: якобы они видят человека насквозь, для них не существует никаких преград, и они так же легко, как в собственные жилища, входят в другие, неизвестные миры, где живут разнообразные духи и души предков. Андрей и верил, и не верил этим рассказам. Его тянуло к запретному святилищу, но он не смел нарушить табу и войти на его территорию. Однако отсюда, с вершины сопки, можно было безнаказанно наблюдать за тем, что там происходит.

Прислонившись спиной к стволу дуба, он глядел вниз и не сразу заметил, как сзади к нему приблизилась высокая пожилая женщина. Она была не одна: в кустах лещины притаились милостивые девушки – прыская и зажимая рты ладошками, они пристально разглядывали молодого человека. Старуха, оглянувшись на них, сурово погрозила пальцем, и девицы враз присмирели, прикрывшись рукавами халатов. Они с любопытством наблюдали, как их предводительница встала за спиной Андрея, и тот, почувствовав, что не один, оглянулся.

– Ищешь бун<sup>18</sup>? – спросила старуха.

От неё несло холодом, будто старуха только что пришла

---

<sup>18</sup> бун<sup>18</sup> – здесь в значении: загробный (потусторонний) мир

с мороза, и в голосе было что-то зловещее – Андрей отодвинулся от неё, вскочил, и в этот момент земля под ним задрожала, пошла трещинами и он, боясь в них провалиться, отпрыгнул в сторону, но неудачно: попал в яму. Она была глубокой, и Андрей, ободрав руки и ноги о каменистые стенки, упал на самое дно, в склизкую сырость. Его окружала мгла, и, взглянув наверх, он увидел сияющий круг дыры, которую вдруг закрыла голова старухи. Она, оскалившись в хищной ухмылке, что-то прокричала ему, но слышно было плохо, Андрей лишь разобрал:

– ... возникнешь... заново...

Старуха забросала дыру ветками деревьев, травой, и в яме наступила кромешная тьма. Андрей встал и, цепляясь за острые выступы, попытался подняться наверх, но все его попытки оказались тщетными: он оскальзывался и падал вниз. Выбившись из сил, он принялся кричать, но скоро понял, что навряд ли его кто-то услышит.

Тьма стояла кромешная – абсолютная чернота: Андрей чувствовал себя мухой, попавшей в тушь. Однако мало-помалу глаза привыкли к мраку и он начал разжижаться, секрет. Под ногами хлюпала холодная грязь, откуда-то сбоку тянуло сыростью и застоявшейся плесенью. Этому обстоятельству Андрей обрадовался: значит, где-то есть пролом, через который проходит воздух.

Он принялся и, поймав слабый поток прелого воздуха, двинулся в его сторону и вскоре наткнулся рукой на мяг-

кий глиняный пласт, подавшийся под нажимом назад. Андрей надавил сильнее – и рука вдруг резко вошла внутрь. Он пошевелил ею – вокруг ничего не было, пятерня свободно болталась в тёплом, влажном воздухе. Тогда Андрей надавил плечом на глиняный пласт, и он повалился внутрь, увлекая парня за собой.

Андрей падал и падал, как ему показалось – бесконечно. Тьма сменялась ярким светом, холод – невероятной жарой, страх – надеждой, его то обдавало пламенем, то бросало в ледяную купель, он взмывал куда-то вверх, в губительные ослепительные выси, и так же валился в мрак и зловонную мерзость, его мотало, болтало, несло, и сколько это продолжалось – минуту или вечность, Андрей так и не понял: время для него перестало существовать. Он слышал сдавленные стоны, тихий смех, шепоты, встревоженные крики птиц, и что-то липкое, похожее на паутину, касалось его лица, но не успевал он её смахнуть, как ласковое, прохладное дуновение освежало кожу, чтобы через минуту испепелить нестерпимым жаром. Он звал на помощь, но никто не откликнулся, разве что усиливался этот зловещий шепот и кто-то испуганно вскрикивал, но тут же стихал.

Над его головой пронесся снежный вихрь – ледяной, промозглый ветер подхватил его и втянул в холодное месиво дождя и снега. Рот забило колючими льдинками, снежная каша залепила веки, и Андрей, незрячий и потерявший всякое чувство ориентации, очумело крутился в студеной си-

зой туче. Он не видел, как рядом с ним вдруг появился огромный орел. Его мощные крылья рассекали холодный морок и снежное месиво. Птица ударила Андрея крючковатым клювом и с торжествующим клёкотом схватила его железными когтями.

Орёл взмыл вверх, и вскоре мрак расступился – впереди ослепительно сиял круг света, в который птица и влетела. Ледяная корка на лице Андрея растаяла и, проморгавшись, он поглядел вниз: под ним были горы, среди которых стремительно неслись чёрные воды бурной реки. Белоснежные облака, странно мерцающие алмазным блеском, накрывали шапкой высокий утёс. Орёл завис над ним, грозно заклекотал и разжал когти – Андрей вывалился из них и, закрыв от ужаса глаза, стал стремительно падать вниз. Он лишь молил Бога, чтобы его смерть была мгновенной.

Однако приземлился он на удивление мягко. Андрей изумленно перевел дыхание и осмотрелся. Он лежал на круглой и ровной, будто сковородка, каменистой площадке. Ни единого деревца, ни травинки. Над ним нависало хмурое небо, и облака, до того мерцавшие алмазами, были мрачными и холодными. Внизу под утёсом разъяренно ревели бурные, в клочковатой жёлтой пене, огромные валы: они налетали, как стая шакалов, на камни и вдребезги разбивались о них. Дул сильный ветер, Андрей даже ухватился за валун, чтобы его не снесло вихрем со скалы.

В тоске он взирал на безжизненное пространство вокруг

себя. Выбраться отсюда, казалось, не было никакой возможности: утёс отвесный, без единого выступа, с одного края – бурная река, с другого – глубокое ущелье.

– О, Боже! – выдохнул Андрей.

Он не верил в Бога, но ему вдруг отчаянно захотелось, чтобы некто добрый и всемогущий ласково протянул сильную длань и перенёс его через эту реку – там, за ней, как ему казалось, находился привычный мир. Но вместо этого он вдруг увидел громадное чудовище, которое, казалось, материализовалось прямо из воздуха. Его туловище было человеческим – гигантское, ничем не прикрытое, бесстыдное, оно вызывало омерзение и ужас, но ещё страшнее была голова – медвежья, со страшными желтыми клыками и горящими глазами. Великан держал в лапах топор.

– Ты пришел? – прорычало чудовище, оскалив пасть. – Ты готов отдать мне свою плоть?

Андрей вскрикнул, но не смог произнести даже слова: внезапный спазм сжал горло и он, как в жутком сне, потерял дар речи, лишь невнятное клокотанье вырывалось из груди.

– Старуха сказала, что ты готов, – чудовище подняло топор. – Она отправила тебя сюда. Старуха знает, что делает.

Андрей в ужасе попятился от чудовища, но оно схватило его, приподняло и бросило наземь.

– Я разрублю твоё тело на куски, – великан плотоядно облизнулся, и Андрей ощутил его смрадное дыхание. – Выну из тебя каждую косточку, раздроблю её и брошу в огонь.

Но сначала отрублю тебе голову!

Андрей закрыл глаза. Всё происходящее казалось ему жутким сном и больше всего на свете он хотел проснуться. Однако чудовище с яростным ревом занесло над ним топор, и Андрей, приоткрыв ресницы, увидел, что сверкающее лезвие стремительно опускается на его горло. Он закричал, но захлебнулся собственной кровью и затих.

Голова с безмолвным криком покатилась по каменистой площадке. Чудовище ловко ухватило её за волосы и, смеясь, насадило на неизвестно откуда взявшийся деревянный кол. Андрей видел своё неподвижное тело, которое великан сначала расчленил на четыре части. Удовлетворенно хрюкнув, чудовище осмотрело каждый кусок, слизало с них кровь и с удвоенной энергией принялось рубить на более мелкие кусочки.

– Смотри, – прорычало чудовище, – я делю тебя поровну, без обмана: эта кучка – сеонам Нижнего мира, эта – для тех, кто живёт в Среднем мире, а вот эта – для сеонов Верхнего мира...

Монстр старательно раскладывал куски плоти на три стороны. Андрей не чувствовал ни боли, ни страха – удивительное равнодушие охватило его. Он лишь немного поморщился, когда чудовище, воровато озираясь, принялось поедать серые, в беловатом налёте кишки. Из них сочилось нечто напоминавшее жидкую кашу.

– Никому не говори, – прошамкало чудовище, заглатывая

кишки. – За это я отдам сеонам Среднего мира твои печень и сердце. Они любят лакомиться потрохами. Станут лучше помогать тебе. А кишки и желудок – мои, я старался всё сделать хорошо. Я устал и тоже хочу есть.

Чавкая, он продолжал делить куски мяса и кости. И как только положил в кучку последний кусок плоти, внезапно налетел беспроглядный смерч. Он с буйным хохотом отбросил великана в сторону, и тот, стеная, отполз на край утеса. Из черной воронки смерча посыпались клыкастые уродцы с горящими глазами. Они, как мухи, жадно облепили ближнюю кучку мяса и костей.

С урчанием и чавканьем эти твари пожирали человеческую плоть. В считанные секунды они всё сожрали и умчались прочь. А на смену им явились другие, не менее страшные образины – черные, с перепончатыми крыльями, напоминающие ящериц, но были среди них и особи с головами тигра, медведя, росомахи.

Они визжали, дрались из-за лучшего куска, выхватывали добычу из пасти друг друга. Земля под ними вдруг задрожала, вспучилась и в трещины хлынула горящая лава. Вздулся громадный сизо-красный пузырь, одуряющее запахло серой, и когда этот гигантский волдырь лопнул, из него выбросило чудовищного мутанта: одноногий и однорукий, он ощерил в рёве пасть с громадными клыками и кинулся на стайку уродливых тварей. Те не испугались чудовища и острыми коготками вцепились ему в пах, пытаясь отгрызть громадный

детородный орган. Великан, однако, отмахнулся им от нападавших, как корова хвостом от мух, и когтистой лапой сгреб нескольких демонов и бросил их в бурлящую реку. Другие твари злобно зашипели и растворились в воздухе без следа.

Великан отвратительно чавкая, сожрал остатки их жижи и накинулся на нетронутую кучку плоти. Андрей с ужасом увидел, как брюхо чудовища раздувается, будто воздушный шар: он набивал его мясом и костями, даже не прожевывая – и живот лопнул: на его месте образовалась зияющая чернотой дыра. Чудовище принялось бросать в неё куски мяса, одновременно пожирая печень и сердце. Оно сладострастно урчало, громко чавкало и, наконец, насытившись, уползло в горячее жерло лавы и, довольно рыгнув, опустилось в него.

Чудовище с медвежьей головой, всё это время внимательно наблюдавшее за происходящим, отползло от края уступа и с вожделием принялось вылизывать с камней костные крошки и запекшуюся кровь. Андрей содрогнулся, решив, что великан оставил его голову себе на закуску. Но тот, оглянувшись, взревел:

– Своё дело мы сделали! Посмотри: твоя голова приросла к новым костям. Тебе предстоит обрести плоть, и ты станешь другим.

Андрей опустил глаза и обнаружил: его череп в самом деле венчал собой скелет. Деревянный кол, на который его насадило чудовище, куда-то пропал.

– Кости важнее мяса, – ухмыльнулось чудовище. – Будут кости – мясо нарастет. У тебя сейчас новые, крепкие кости – это начало тебя. Не горюй о своем теле. Твоя прежняя плоть – это твои грехи, привычки, без которых можно обойтись. Твоё тело хранило в себе вредную жизнь. Ты станешь другим.

Чудовище подняло топор и, не оборачиваясь, прыгнуло вниз – в бурный поток. Андрей услышал всплеск, и снова – тишина.

Он не мог пошевелить ни рукой – ни ногой, если, конечно, таковыми можно было считать кости. Ему казалось, что всё тело болело и ныло какой-то сладкой болью. Но, взглянув на себя, он по-прежнему видел лишь скелет. Видимо, это была так называемая фантомная боль.

Небо над ним посветлело, облака разошлись и вдруг ярко брызнуло солнце. Казалось, оно затопило всё пространство вокруг. Он зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел склонившееся над ним лицо Надежды.

– Звоню-звоню в дверь, а ты не отвечаешь, – сказала она. – Толкнула её – она и открылась. Ты что, зайчонок, запоров не признаешь?

Он очумело потряс головой.

– И телефон не отвечал, – продолжала Надежда. – А я тут неподалеку была в гостях у подруги. Дай-ка, думаю, Андрюшечку-душечку проведаю.

Андрей снова потряс головой и, приподнявшись, оглядел

себя. Ничего в нём вроде бы не изменилось, но всё тело гудело, за грудиной саднило и казалось, что из него что-то вынули, а потом вставили – это новое ввинчивалось в него со сладковатой болью и каким-то сладострастным наслаждением.

– Что с тобой? – Надежда отодвинулась, не отпуская руки с его груди. – Сердце-то как бьётся! Испугала, что ли?

– Ага, – ответил он лишь бы что-то ответить.

– Я бы и не зашла к тебе, да гляжу: свет горит, – неловко засмеялась Надежда. – Ну, думаю, значит, точно один. Не помешаю.

– Как зашла-то? – всполошился наконец Андрей. – Я что, дверь не закрыл?

– Ну, сквозь стены я ходить еще не научилась, – Надежда усмехнулась. – Выходит, не закрыл. Да и спать завалился. Ой, да ты уже почти готовенький, – она просунула руку под покрывало и погладила его. – Только плавки осталось снять...

– Надь, – он отстранился, – знаешь, я не в форме. Как-то не по себе мне. И сон сейчас дурацкий снился.

– Вижу, – она сняла ладонь с его груди и провела по лбу. – Горячий. Вспотел весь. Выбросил бы ты этот кондиционер, – она покосилась на окно, – один вред от него, я сама про это в газете читала: «болезнь легионеров» от него приключается...

– Не в кондиционере дело, – отмахнулся Андрей. –

Со мной что-то странное происходит. Такое ощущение, что я меняюсь: был человек как человек, а теперь будто бы что-то внутри растёт – не пойму, что именно: может, это то, что душой именуют?

– Возраст у тебя такой, – вздохнула Надежда. – Становишься взрослым. Мой-то тоже в двадцать пять лет заегозил: всё ему не так и не то, жизнь проходит мимо, и ничего-то он, бедняжка, не совершил, живёт с дурой-женой, которая не понимает его мятежную душу. У вас, мужиков, это, наверное, общая черта: во всех неудачах винить женщин – как будто мы камнями приросли к вашим ногам и не даём взлететь. Орлы!

– Разве я когда-нибудь говорил, что я – орёл? – обиделся Андрей. – Есть много других птиц, с кем можно сравниться. А что касается камней на ногах, то, знаешь, если сиднем сидеть в кресле перед телевизором или на диване лежать, то не только ноги – сам весь окаменеешь. Вон, Иван Муромец на печи просил тридцать лет и три года. А как сошёл с печи – так земля под ним и загудела: чугунный, наверное, стал, любая стрела об его грудь ломалась и копья отскакивали. Задумывалась об этом, Надь?

– Старая сказка на новый лад, – звонко рассмеялась она. – Умное слово есть: интер... интерпретация... да? Вот ты сказку-то как переделал! Вроде, и не взлетал мужик в небо, а – орел!

Андрей поморщился, давая понять, что не желает продол-

жать эту тему. Надежда не убирала ладонь с его лба, ожидая, видимо, ответной реакции: обнимет ли, погладит ли ее, приголубит.

– Сон плохой мне снился, – Андрей сел на диване. – Просто ужасный! Такое только в сказках бывает...

– Забудь, – посоветовала Надежда. – Хотя, знаешь, в любом сне есть скрытый намек на будущую жизнь. Я про это тоже в газетах читала.

– Много ты что-то читаешь, – буркнул Андрей и, легонько отстранив ее, встал босыми ногами на пол. – А я вот ничего не читаю, и доволен! Меньше знаешь – меньше думаешь.

Он, конечно, стебался. Потому что знал: Надя читает всякие «желтые» еженедельники да дешевенькие детективчики, которыми нашпигованы все газетные киоски. Сам же Андрей любил настоящую литературу, и знал толк в Чехове, Булгакове, Сэлинджере, даже «Опыты» Монтеня пробовал читать, но что-то не пошло, наверное, из-за тяжеловесного старинного слога, а может, из-за некоторых смешных несуразностей: старик, похоже, верил в мифических чудовищ, икубов и прочую чертовщину.

– Ага, – обрадовалась Надежда. – Надо же иногда о чём-нибудь поговорить. А то встанешь из койки и не знаешь, что сказать.

– А надо ли? – усмехнулся Андрей. – Мысль изреченная есть ложь...

– Так-то оно так, – смутилась она. – Но зачем-то же чело-

веку дан орган речи.

– Этот орган не только для речи, – снова усмехнулся Андрей, и на этот раз его ухмылка была циничной. – Иной раз слушаешь сладкоголосую дамочку и думаешь, как именно заткнешь ей кое-чем рот. А она считает, что её внимательно слушают. Умная такая, спасу нет!

– Андрюша, – понарошку накуксулась Надежда, – чего ты такой сердитый? Тебе правда со мной не хочется даже поговорить?

– Лапа, – он постарался как можно нежнее произнести это ласкательство, – у меня что-то со здоровьем не того. Сама убедилась: даже дверь не закрыл – какое-то затмение нашло, голова болит, всё не так и не то. Понимаешь, я хочу один побыть. Человеку иногда важно побыть одному. Некоторые даже болеют, если им хотя бы час-другой в сутки не удаётся побыть в одиночестве.

– Понимаю, – серая тень пробежала по её лицу. – Я сама не люблю, чтобы другие видели, как я болею. Но, может, тебе помочь чем? Молочка с медом нагреть. Или массаж? Во! Давай, я тебе массаж воротниковой зоны сделаю. Я умею!

Надежда была доброй, простой женщиной. Если она оставалась дома одна, то непременно включала радио, телевизор, магнитофон – всё, что издавало звуки или показывало картинки: её угнетала тишина, она даже боялась её, потому что оставалась наедине с самой собой, и тогда в голову лезли всякие мысли об одиночестве, неудачных попытках завести

более-менее длительные отношения с женщиной, об Андрее, который, наверное, никогда не захочет жить с ней вместе – молодой, симпатичный, себе на уме, он, по её мнению, и сам не знает, чего хочет, а если хочет, то поди-ка узнай, чего: отделяется смешочками, молчит, ни о каких планах не говорит и ничего конкретного не предлагает.

У неё был ещё один мужчина, о котором не знала даже лучшая подружка Люська. Зачем ей знать? Она ещё та лухудра: мало того, что обо всём растрезвонит, так ещё и глаз на Михаила Алексеевича положит. Всё-таки у него отдельная квартира, дача, машина, работает в солидной фирме, и ничего, что ему скоро пятьдесят лет – мужик ещё крепкий, видный, правда, скучный: всё у него в доме, так сказать, по полочкам разложено, ни пылинки – ни соринки, и не дай бог в порыве страсти сбросить лифчик или трусики на пол – тут же вскакивает, подбирает и аккуратненько складывает на пуфик, а как до интима дело дойдёт, ему непременно надо в ванну сбегать – как будто и не мылся в этот день, да ещё и её посылает туда же, а она, что, дура к мужику грязной идти? Зашибись!

Однако Михаил Алексеевич всё-таки был выгодной партией, такие на дороге не валяются: не пьёт, не курит, домовитый, с деньгами, опять же. Он сам предлагал Надежде жить вместе, и к её сыну вроде бы неплохо относился, но она пока что отделялась неопределёнными фразами: вроде того, что давай, мол, проверим свои чувства и всякое такое.

В глубине души Надежда рассчитывала, что Андрею нравится не только сексом с нею заниматься. Она, хоть и старше, женщина хоть куда, вон, как по улице идёт – мужики ещё вслед оборачиваются!

И ни у какой подружки она в этот день не была. Встречалась с Михаилом Алексеевичем. От него и пришла к Андрею. Если бы она была поумнее, то постаралась бы перед выходом не только накраситься, но и хорошенько отмыться: Михаил Алексеевич после бритья пользовался лосьоном «Меннен – Снежная лавина», довольно-таки крепким, да еще и «Эгоистом» душился – мужской, стойкий аромат парфюма перебивал её духи, и Андрей, конечно же, ощущал это, но сказать ничего не мог. Во-первых, сам не без греха. Во-вторых, надо же как-то женщине устраивать свою судьбу, зачем ей мешать: и сам не дам, и другому не дам – он относился к Надежде как к подружке, не более того. В третьих, ему не хотелось никаких разборок: пусть всё идёт так, как идет.

Ничего против массажа он не имел, но это действие Надежда постепенно переводила в более интимные движения, что Андрею сегодня было не нужно. Видение подействовало на него странным образом: тело болело и ныло, хотелось покоя и тишины. Он не врал, когда говорил об этом женщине.

– Надь, давай в другой раз, – Андрей кашлянул. – Ты классно делаешь массаж. Мне нравится. Но не сегодня...

Надежда не подала виду, что обиделась, наоборот – защелкала всякие глупости, как по её представлениям, и поло-

жено делать женщине, знающей себе цену: вспомнила вдруг о недоделанных дома делах (хотя какие, помилуй бог, могут быть дела глубокой ночью?), о том, что надо ещё бигуди накрутить, сыну на завтра нажарить котлет (ну, надо же! дня ей не хватило – непременно в полночь у печи толочься будет). И ещё что-то она чирикала совершенно счастливым голосом, и наказывала Андрею непременно дверь запирать, и под шерстяной плед лечь, и ни о чём плохом не думать.

Оказавшись в темном, вонючем подъезде, Надежда расплакалась. Она вдруг с тоской подумала, что всегда хотела жить жизнью того мужчины, которого любила. Но, оказывается, это им не всегда нравится. Свою одну-единственную жизнь, чаще всего, они хотят прожить сами, и женщина в ней – лишь страничка, может быть, не самая главная, может быть, такая, которую можно вырвать – и о ней даже не вспомнишь, потому что смысл не нарушится. Значит, свою жизнь и она должна прожить сама, не надеясь ни на кого другого? Но от этой мысли слёзы покатались ещё сильнее...

Сергей Васильевич Уфименко считал, что на месте нынешнего центрального городского парка некогда находилось нанайское стойбище, о котором смутно упоминается в некоторых дореволюционных источниках. Оно располагалась на откосе берега, в обрывах террас. Люди жили тут в серома – землянках, хурбу – полуземлянках-полузасыпнушках, были и хагдуны – домишки, которые строились из плетеных камышовых фашин, жердей, тальника – остов обмазывались глиной, перемешанной с травой или шерстью. Главной конструкцией такого дома являлся накан – своего рода отопительная система, напоминавшая лежанку: люди на ней спали, сидели, ели, работали. Сергей Васильевич восторгался этим хитроумным изобретением аборигенов: накан обогревал всё жилище и, главное, можно обходиться без фундамента, а пол под ногами всегда был теплым.

Там, где сейчас высится памятник графу Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому, скорее всего, стояли идолы. Местность для них вполне подходящая: высокий утес, более-менее ровная площадка, с которой открывается вид на Амур, и, ах, какие божественно сильные ветра дуют с реки – значит, приносят духам запахи рыбы и водорослей, прибрежных зарослей и просмоленных солнцем камней.

Утёс, по мнению Сергея Васильевича, был идеальным ме-

стом и для костра тревоги. В стародавние времена аборигены зажигали его, чтобы предупредить соседей о нашествии врагов: клубы дыма поднимались высоко в небо, их было видно за много десятков километров – сородичи бросали свои хурбу<sup>19</sup>, уводили женщин, детей и стариков в тайгу, молодые воины готовились к битве, а специально обученные смотрящие, в свою очередь, зажигали костер тревоги. Так, по цепочке – от костра к костру, – амурские сидельцы оповещали друг друга о грозящей беде.

Возможно, многие краеведы и не стали бы спорить с Сергеем Васильевичем, тем более что возразить что-либо против тех же костров тревоги им было нечего? Пойди-ка, проверь теперь эту гипотезу. Но их почему-то возмущало утверждение этого оригинала о том, что нанайское стойбище в районе Амурского утёса было не простым: здесь, по мнению Уфименко, жили сильные шаманы, которым были ведомы тайны пустот – теперь на них стоит город.

Эти пустоты образуют под землей гигантские многокилометровые галереи, которые доходили до особого священного места, именуемого Сакачи-Алян. Даже не все аборигены знали о подземных ходах – это был секрет, тщательно оберегаемый посвященными. Духи, живущие в каменных тоннелях, запрещали им рассказывать людям о своём мире. Впрочем, это было не в интересах шаманов. Сородичи уважали и боялись их за умение входить в контакт с подземными жите-

---

<sup>19</sup> хурбу – жилище аборигенов

лями, которые были подобны богам: насылали болезни, вызывали наводнения и засухи, приносили счастье или беду, отбирали души; от них зависела удача охотника и рыбака, они могли сделать женщину бесплодной или забрать силу у мужчины; они, смеясь, вершили судьбы, и для них, казалось, не было ничего невозможного.

Духи знали тайну мира, наполненного разнородными и разнообразными вещами, резко отличными друг от друга. И они знали, почему ничто не вечно, всё преходяще, гибель одного дает жизнь другому, зачастую непохожему и даже противоположному. Этот вечный круговорот возможен только потому, что есть некая первооснова, дающая форму, свойства и качества всему существу, но при этом она – ничто, и у неё нет определенной формы, она – вода и пламень, воздух и свет, вечная и неуничтожимая. Духи были сотворены из этого волшебного вещества, и потому их нельзя было видеть. Когда они хотели этого сами, то являлись людям в образе драконов, крылатых тигров или мерзких страшилищ, а также обычных зверей, птиц и рыб.

Однако эти существа не были такими всемогущими, какими хотели казаться своим слабым и беззащитным соседям-людям. Слишком они вознеслись в своей гордыне! Кто-то всё же был сильнее их, и он решил обновить мир: сжечь его и создать заново. На небе зажглось три солнца: одно – обычное, к которому все привыкли, два других пылали нестерпимым жаром. Вода в реках вскипела, и рыба в них

сварилась. Загорелась тайга, и едкий, удушливый дым накрыл всю землю от края до края. Животные погибли в огне, и не стало слышно пения птиц. Даже камни плавились под тремя солнцами. А что уж говорить о людях? Они все померли, остался в живых лишь богатырь Хадо и две женщины. Говорят, что это были его сестры.

В низовьях Амура была земля нивхов. Оттуда прилетела испуганная птица и рассказала сестрам:

«Эта земля вся изломалась, сгорела вся.

Люди погибли. Море только было.

Море все кипело. Тюлени и рыба умерли.

Людей нет, рыбы нет.

Потом из моря гора родилась.

Потом из моря земля родилась.

Под кочкой две синицы жили».

И будто бы эти синицы загорелись желанием убить два лишних солнца, но нет у них ни крепкого лука, ни метких копий. Синицы пытались стрелять по светилам из своих маленьких луков, но их стрелы – что укусы комара, а копья так и вовсе сгорают в палящих лучах, не долетая до неприятелей. Пусть мэрген поможет синицам!

Хадо взял лук и выстрелил из него по самому яростному солнцу. Стрела попала в светило и оно – о, чудо! – свалилось с неба. Мэрген пустил стрелу в другое солнце – и тоже убил его. А сёстры, пока камни на берегу Амура оставались мягкими от огня, кончиками пальцев выдавили на них изобра-

жения тех духов, на которых рассердилось высшее существо. Пусть все знают, из-за кого чуть не погибла земля! Нарисовали они и личины добрых духов, людей и зверей. Пусть сохранятся в памяти вслед идущих! Но они не знали, что сеоны укрылись под землей, и некоторые из них всё же уцелели.

Сергей Васильевич рассказал эту легенду Эдуарду Игоревичу Шелковому, музейному этнографу. Тот, вздохнув, жалостливо посмотрел на него как на тяжело больного и пожал плечами:

– Вы смешали в одно целое нанайскую легенду о богатыре Хадо и нивхский миф о синицах. Хорошо, конечно, что вы постарались осмыслить космогонические представления древних народов. Как говорится, нет стены китайской между мифами. В них, возможно, запечатлены величайшие катаклизмы прошлого. Но всё это – наивные соображения древних, к которым навряд ли стоит относиться серьёзно.

– Сказка – ложь, да в ней намёк, – не сдавался Сергей Васильевич. – В мифах и легендах отражаются конкретные реалии. Для древнего человека иные формы жизни были явью, понимаете? Возможно, это некие энергетические формы, которые тысячелетиями соседствуют с нами!

– Повторяю: я занимаюсь серьёзной наукой, а не фантастикой, – мягко улыбнулся этнограф и нетерпеливо посмотрел на часы. – Мой вам совет: изложите гипотезу на бумаге, обоснуйте её. Возможно, мы сможем помочь вам опубликовать её. Всё-таки она достаточно оригинальная.

– Напишу! – с жаром воскликнул Сергей Васильевич. – Конечно же, напишу! Но меня волнует другое: под городом существует тоннель, в нем – иная жизнь, и давно пора организовать экспедицию по изучению этого феномена!

– Но я-то тут при чём? – Эдуард Игоревич пожал плечами. – У этнографа, видите ли, немножко другие задачи.

– У нас одна общая задача – найти истину! – Сергей Васильевич в волнении вскочил со стула.

– А что сказал Понтий Пилат Христу насчёт истины? – этнограф ласково посмотрел на Уфименко, сжал ладонь и снова разжал её. – Вот что он сказал. И Христос не возразил ему.

– Истина – рядом, – Сергей Васильевич продолжал метаться по кабинету. – И мы обязаны её отыскать! Всего-то и надо: подписать это обращение к властям. В нём говорится о необходимости подробных, комплексных обследований пустот.

– Я не подписант, – жестко отрезал Эдуард Игоревич. – Но помогу вам, чем смогу. Консультацией, советом. А всякие воззвания и обращения, увольте, не подписываю. Нет у меня такой привычки.

Он встал, давая понять, что разговор окончен. Сергей Васильевич, не обращая внимания на его протянутую руку, схватил со стола свои бумаги, запихал их в папку и кинулся вон. Эдуард Игоревич с облегчением вздохнул и потянул руку к телефонной трубке. Но не успел он её взять, как дверь распахнулась настежь, и в неё снова влетел Сергей Васильевич.

вич. Он подскочил к столу и выпалил:

– Вы некромант! И наука ваша – покойница!

Эдуард Игоревич, обомлев, молча взирал на раскрасневшегося Уфименко.

– Понавешали на стенках всякие рисуночки, орнаменты, висулечки-смехулечки, – он выразительным жестом показал в сторону коридора. – И гордитесь, что их вам предоставили мастерицы из национальных сёл! Носительницы, так сказать, древней культуры. Ха-ха-ха! Носят-то они её носят, но понимают ли, что именно носят? В ваших экспозициях сплошные мудуры – и в орнаментах, и в вышивках, и в кружевах, ах-ах! Как экзотично! Как колоритно! – он дурашливо закатил глаза, изображая восторг. – Да и вы хоть немного напряглись, чтобы выпытать у аборигенов, чем мудур отличается от пуймура, а? Кстати, изображений пуймурсэл в ваших экспозициях не так уж и много...

– Сергей Васильевич, успокойтесь, – робко предложил Эдуард Игоревич. – Конечно, знаем. Мудур – это солнечный дракон, а пуймур – водяной.

– О, боже! – вскричал Уфименко. – Стереотипы, сплошные стереотипы! Больше слушайте этих тёмных старух – и никогда истина вам не откроется. Мудур – это летающий дракон, божество, приносящее удачу. А вот пуймурсэл – не настоящий дракон, он, скорее, похож на червя с пастью крокодила. Но мастерицы рисуют его как дракона, потому что знают: так красивее, и важным ученым такое изображе-

ние больше понравится...

– Ну, что вы? – тактично кашлянул Эдуард Игоревич. – Никто их не заставляет. Рисуют, как сами хотят. Кроме того, у нас записаны легенды о пуймуре. По ним получается, что это мифическое существо может бегать, плавать и летать.

– А у вас нет записи легенды о шамане Исааки? – не унимался Сергей Васильевич. – В ней пуймур – тесть шамана. Более того, он сам способен превращаться в человека. Как это вам нравится?

– Да никак, – пожал плечами Эдуард Игоревич. – Народная фантазия!

– Вот-вот! – невинное замечание этнографа вдохновило Сергея Васильевича. – Думать вы не хотите! Пуймур – это дух, который может принимать любое обличье. Мудур себе этого не позволяет: он всегда дракон, величественный, вызывающий уважение и восхищение. Он не будет нисходить до простого запугивания людей, он выше этого и, если хотите, благороднее. А пуймур – это, возможно, сеон, пытающийся подделаться под дракона. Одни люди видят его в образе гигантского сома, другие – червя, третьи – крокодила. Не правда ли, несколько размытая фигура?

– Возможно, – кивнул Эдуард Игоревич, снова начавший терять терпение.

– А раз возможно, то послушайте дальше, – Сергей Васильевич перегнулся через стол и почти зашептал на ухо этнографу. – Это реальное существо. Тсс! Мне почему-то кажет-

ся, что оно может быть рядом...

Зрачки его глаз вспыхнули огнём, безумным взором он обвёл помещение и прислушался. Эдуард Игоревич невольно отпрянул от собеседника. Но тот, усмехнувшись, как ни в чём не бывало, продолжал:

– Понимаю, что похож на умалишенного. Всякий шорох принимаю уже за явление духа. Где-то мышь, наверно, пробежала. Музейная мышь, а-ха-ха! – он коротко хохотнул. – Пуймур – это такое же реальное создание, как и мы с вами, дорогой Эдуард Игоревич.

– Ну уж, – промямлил этнограф. – Хотелось бы верить...

– Хрусталики его глаз считались суу – амулетом, всю жизнь приносящие удачу тому, кто ими обладает, – зашептал Сергей Васильевич. – Суу я трогал собственными руками, – он протянул ладони и повертел ими, – вот эти пальцы трогали волшебные суу! В Даерге один старик мне их показывал. И рыбак он отменный, и охотился всегда замечательно, и до самой старости сохранил потенцию, – Уфименко крикнул, – о его мужской силе легенды ходили! Жаль, помер он недавно, а сын не знает, куда его суу девались: весь дом перевернули – не нашли.

– Когда найдут, тогда и поговорим, – нахмурился Эдуард Игоревич и снова выразительно посмотрел на часы. – От меня-то вы что хотите?

– А хочу я, чтобы вы поняли: пуймур – это, в отличие от мудура, реальное существо, – устало сказал Сергей Васи-

льевич. – Возможно, пуймурсэл как раз и обитают в тех лабиринтах под городом. Но в обычном состоянии они, возможно, не имеют плоти, скорее это особая энергетическая форма жизни, – глаза его блеснули, и Эдуард Игоревич с испугом подумал, что имеет дело с сумасшедшим. Мало ли чего от него можно ждать! И потому, стараясь быть деликатным, снова вежливо попросил:

– Сергей Васильевич, дорогой, я сейчас не готов продолжить этот разговор. Просто у меня важная встреча назначена. Давайте созвонимся, позовём других исследователей, подключим Географическое общество – может, и проведём экспедицию.

– Вы от меня отделяетесь только обещаниями, – буркнул Сергей Васильевич, но всё-таки по его тону было понятно, что он немного успокоился. – Мне ничего не остаётся другого, как в очередной раз поверить вам и ждать.

– Да-да, – радостно закивал Эдуард Игоревич. – Надеюсь, что всё у нас получится. Мне с вами всегда интересно.

На сей раз они распрощались вполне миролюбиво и даже пожали друг другу руки. Но через несколько секунд дверь опять скрипнула, в узком проёме показалась голова Сергея Васильевича.

– Кстати, – чуть слышно шепнул он. – Недавно я познакомился с одним человеком. Случайно. У него особая энергетика. Кажется, он сам об этом даже не подозревает. Потрясающе! Но он может выходить в другую реальность. Туда, где

обитает пуймурсэл.

Эдуард Игоревич, уже было вздохнувший с облегчением, что избавился от назойливого посетителя, сердито буркнул:

– Ну и что?

– Тсс! – Сергей Васильевич приложил палец к губам и подмигнул. – Он – проводник, но пока о том не знает. Но – тсс! – никому о том ни слова.

Дверь снова захлопнулась. С опаской поглядывая на неё, Эдуард Игоревич снял телефонную трубку и набрал номер. Оказалось, что ошибся. Снова набрал. Опять ошибка. Такое с ним бывало редко.

Чертыхаясь, Эдуард Игоревич открыл телефонный справочник, нашел нужный номер и, приставив к нему палец, старательно повторил набор.

– Сумасшедший! – сказал он.

– Что? – откликнулся голос на том конце телефонного провода.

– Извините, это я не вам, – смутился Эдуард Игоревич и почувствовал, как меж лопатками струйкой скользил холодный пот. Всё-таки он звонил важному человеку – начальнику управления культуры, который курировал музей.

А «сумасшедший» в это время бодро выскочил из музея, метеором пронёсся по короткой тенистой улочке, которая упиралась в Соборную площадь – тут он затормозил и, придав себе степенности, важно засеменял по брусчатке.

Сергей Васильевич сосредоточенно глядел себе под но-

ги, отмечая каждую новую трещинку и вмятину. Когда его что-то особенно впечатляло, он доставал из кармана измятую пухлую тетрадь, листал её, находил нужную страницу и сравнивал давнишний чертеж этого фрагмента площади с тем, что наблюдал сейчас. Если отличия имелись, то в руках Сергея Васильевича невесть откуда мгновенно появлялись рулетка, циркуль и карандаш. Ловко орудуя ими, он делал измерения и зарисовывал трещинки с вмятинками в тетрадку.

Так, шагок за шагом, он и двигался по площади, не обращая никакого внимания на гуляющих тут людей. Иногда какой-нибудь прохожий любопытствовал, что это он такое делает. Сергей Васильевич обычно цыкал и досадливо отмахивался:

– Вам не понять!

Правда, на этот раз он был поделикатнее. Длинновязому пареньку даже улыбнулся, ухватив его за локоть, спросил:

– Ты в каком классе учишься?

– Ну, в десятом, – ответил тот. – А что?

– А то! – Сергей Васильевич поднял указательный палец вверх. – О множественности миров уже должен иметь представление. Наш мир – не единственный. И не только во Вселенной, но и на Земле. Понял?

– Не-а, – крутнул головой паренёк.

– Там, под нами, – Сергей Васильевич выразительно приотпнул ногой, – целый мир. А мы, остолопы, взираем в небо

и ждём оттуда гостей. Их надо ждать из-под земли!

Паренёк усмехнулся, осторожно высвободил свой локоть из руки Сергея Васильевича и покачал головой:

– Ну, вы, дедуля, даёте! Ещё скажите, что Земля стоит на трёх китах, а небо держит на своих плечах Атлант.

Сергей Васильевич, и прежде выслушивавший саркастические замечания в свой адрес, пропустил иронию мимо ушей и лишь вздохнул:

– Гуляй дальше, молодой человек. И ни о чём не задумывайся. Думать, знаешь ли, иногда вредно. Потому что здравомыслящие люди могут принять тебя за сумасшедшего. А это неприятно. Будь как все – так проще жить. Гуляй!

Он не любил людей, которые мыслили стереотипно. Обнаружив это, Сергей Васильевич не просто терял к ним всякий интерес – они переставали для него существовать: он смотрел сквозь них, будто перед ним было пустое место. Паренёк принялся что-то говорить в своё оправдание, но господин Уфименко досадливо отмахнулся от него как от комара и снова вперил сосредоточенный взгляд себе под ноги.

– Там что-то есть, – бормотал он. – Чу! Какое-то движение... Неужели это слышу только я? О, как бы я хотел сейчас попасть туда – под площадью определено кто-то есть. Почему мне никто не верит?

Из-под брусчатки в самом деле доносились глухие звуки. Но если бы Сергей Васильевич огляделся, то их причину обнаружил бы немедленно: неподалёку был канализационный

люк, возле которого в позе роденовского мыслителя восседал крупный мужик. Крепкой ладонью он сжимал трос, опущенный под землю. На спине его синей униформы красовалась надпись «Сантехремонт». Другой сантехник что-то делал в канализации, время от времени выдавая наверх краткие непечатные выражения. Его напарник, не меняя позы, внимал им довольно равнодушно, время от времени повторяя одну и ту же фразу «Да уж!» При этом он лениво попыхивал папиросой, повисшей в углу губ.

## 6

– Забудь о Фрейде! Фу! – Настя смешно сморщила нос, делая вид, что вдохнула не слишком приятный аромат. – Он всё сводит к сексу. Что бы человек ни делал, им движет сексуальный мотив. Просто маньяк какой-то!

– Нет, не маньяк, а выдающийся учёный, – сказал Сергей, стараясь сохранить на лице серьёзное выражение: ему нравилось подначивать Настю, которая всего несколько минут назад была похожа на вакханку, не ведающую ни о каком психоанализе. Они оба напоминали две тучи, меж которыми яростно сверкали молнии и раздавались дикие раскаты грома – их тела сотрясались, пламенели, вибрировали и на какой-то миг стали одним целым в ослепительной вспышке огня, затмившего весь белый свет.

– Любовь это не секс, – упрямо стояла Настя на своём. – Это прежде всего работа души, а не отдельных частей тела.

– Извини, если мужчина импотент, то о какой любви может быть речь? – усмехнулся Сергей. – Хотя при этом душа у него – большая, чистая, прекрасная...

– Пошляк! Даже не хочу рассказывать тебе об Абеляре, которого оскотили, но он всё равно не потерял способности любить. Ты этого всё равно не поймёшь, – Настя искоса метнула быстрый взгляд на ту часть тела Андрея, которая только что связывала их в одно целое. – Извини, иногда не в члене

дело...

– А в том, чтоб вводить его умело? – засмеялся Андрей.

– Господи, какой ты бываешь пошлый, просто ужас! – вздохнула Настя. – И за что я тебя только люблю?

– А что, разве не за что? – он взял её руку и положил на свою успокаивающуюся плоть. Ему нравилось ощущать её тонкие, гибкие пальцы.

– Развратник, – шепнула она и поцеловала его в мочку уха. – Но мне нравится, когда ты такой. Хотя Фрейд всё равно не прав: нельзя всё сводить только к сексу.

– А что делать? – притворно вздохнул он. – Миром правит любовь. Без неё мир давно бы вымер.

– Правильно: любовь, – согласилась Настя. – А то, о чём твердил Фрейд, – это совсем другое. Это, знаешь ли, низменные инстинкты, не более...

– Но тебе они, кажется, нравятся? – засмеялся Андрей. – Эти низменные инстинкты так прекрасны, зайчонок!

– И совсем они не низменные, – нахмурилась Настя. – Я люблю тебя. А жизнь не ограничивается лишь стремлением к сближению мужчины и женщины. Жизнь – это творчество. По Библии, она и началась с творчества Бога: он создал весь этот мир, и лишь потом заселил его всякими тварями...

– Включая человека, – подхватил её мысль Андрей. – И этого человека он создал по своему подобию. Представляешь, у Бога тоже был член!

Настя сжала плоть Андрея и убрала руку. Он засмеялся,

поцеловал её и примирительно шепнул:

– Ладно-ладно, не сердись. Понимаю, что существует и другой импульс, не сексуальный, – импульс творчества. Пророк Моисей никогда не взошёл бы на вершину горы Фасги и не взглянул бы с неё на Землю Обетованную, если бы им двигали только сексуальные инстинкты. Он любил Бога, и в этом его чувстве ничего сексуального не было. И свой народ он любил, и это тоже не напоминало секс. Есть нечто высшее, что движет человеком. Я не знаю, что именно, но, мне кажется, этого не знал и Моисей. Он видел с горы прекрасные земли, но если бы дошел до них, то понял бы: там – горе, смерть, кровь, и счастье, ох, как далеко!

– Но это неважно, – сказала Настя и прижалась щекой к плечу Андрея. – Главное – он шёл вперёд, им двигала великая цель. Может быть, в жизни мужчины это самое главное?

– Не знаю, – ответил Андрей. – Моисею лишь перед смертью было позволено взглянуть на Землю Обетованную. Он так и не дошел до неё. Получается, что главное – движение, а не цель?

– Кстати, откуда ты так много знаешь о Моисее? – спросила Настя. – Наверное, смотрел фильм о нём? Как-то его по телеку показывали. Но он мне показался скучным, и я его не досмотрела до конца.

– Читаю иногда, – усмехнулся Андрей. – От бабки мне не только квартира досталась, но и её книги.

В бабкиной библиотечке были, конечно, и книги о люб-

ви: рядом с Тургеневым и Буниным стояли яркие покетбуки из серии «Дамский роман» – как правило, сентиментальные повествования о страстных мужчинах и женщинах, которые после долгих и мучительных приключений наконец-то соединялись в экстазе любви. На взгляд Андрея, именно с этого момента и начиналось самое интересное, но сочинительницы чтива для женщин предпочитали ставить тут точку. Видимо, они были уверены: после свадьбы в жизни двоих наступает сплошная идиллия, освещаемая лучезарным счастьем, и все волнения и страсти – не для них. Читать такие книжки ему было скучно.

В комнате стоял полумрак: Настя стеснялась, что она обнажённая, и Андрей каждый раз уговаривал её оставить включенным хотя бы бра с тусклой лампочкой. Ещё она любила негромкую музыку, но на этот раз впопыхах он сунул в музыкальный центр какой-то диск, даже не посмотрев на название.

Приглушённые блюзовые мелодии не мешали им заниматься друг другом, но вдруг громко ухнул контрабас – и в комнату, ритмично покачиваясь, вплыл пёстрый караван звуков. Джазовые композиции в мгновение ока заполнили всё пространство. Пронзительный, тоскующий саксофон, рокот бас-гитары, озорной смешок трещоток, знойный ритм барабанов – всё это будоражило душу.

– Странно, – сказала Настя. – Слышишь, как бьют барабаны? Будто шаманские бубны – дико, необузданно. Других

инструментов не слышно. Они словно испугались, притихли. Остался только этот ритм – завораживающий, странный, волшебный.

– На джаз не похоже, – откликнулся Андрей. – Наверное, я перепутал диски. Впрочем, не помню, чтобы у меня нечто подобное было. Наверное, кто-то из друзей оставил.

– А мне нравится такая музыка, – Настя легонько постукивала костяшками пальцев в ритм мелодии. – Знаешь, это похоже на ветер, который всё время меняет направление: как бы ты ни отворачивался от него, он дует тебе в лицо, и вернуться невозможно – остаётся одно: идти напролом. А ветер срывает с домов крыши, гнёт к земле деревья, поднимает тучи песка и пыли, и при этом он – не просто стихия, он – это то, что скрывалось в тебе самом: темное и светлое, дикое и возвышенное, отчаяние и радость, жар и холод, – нечто такое, чего ты и сам о себе не знал. Это ритм твоей жизни!

Андрея поразило лицо Насти, которое наполовину закрыла тень от бра: оно словно разделилось на две части как маска древнегреческого театра – одна половина лучезарно улыбалась, другая была печальна. Когда девушка поворачивала голову, тут же происходила метаморфоза: тень и свет менялись местами, и то, что было радостным, покрывалось вуалью унынья. Смех и слёзы, горе и радость, отвага и страх, надежда и отчаяние смешивались, переплетались, менялись местами – и нельзя было с уверенностью сказать, что тень –

это тень, а свет – именно свет, а не отражение луча солнца, допустим, от чёрной лаковой поверхности.

Он вдруг подумал, что всегда воспринимал Настю прямо, без всяких полутонов, да она и сама была вполне определённа: если весела – значит, улыбалась, пела и шутила; если грустила – это было сразу видно. Может, всё слишком просто? А на самом-то деле её истинное лицо – вот эта маска, в которой нечаянно смешались тьма и свет, возвышенное и низкое, трагедия и комедия.

– Богатая фантазия! – воскликнул Андрей.

– Что? – не поняла Настя.

А он и сам не понял, к кому больше относилось это его восклицание – к нему самому или к ней, но всё-таки сказал:

– Богатая, говорю, фантазия у тебя. Тебе бы стихи писать.

– А я, может, и пишу их, – Настя опустила глаза. – Почти все девушки пытаются что-то сочинять. Знаешь, они иногда даже сочиняют своих любимых: встретится какой-нибудь парень, ничего особенного, парень как парень, а девушка такого себе о нём насочиняет, что даже и поверит: это тот принц, который и сам не знает о своём высоком происхождении.

Барабаны били всё громче и громче. Их настойчивый, частый ритм проникал в мозг: подобно колотушке, он, казалось, выбивал мысли и ощущения, настойчиво подчиняя себе сознание. Лёгкий холодок пробежал быстрой ящеркой от грудины к низу живота и ухватил цепкими лапками кожу. Андрей почувствовал, как в неё вонзается что-то вроде ко-

лючих и острых льдинок: они проникали в каждую клеточку, и быстрый, внезапный озноб сотряс всё тело – он дёрнулся, с удивлением обнаружив, что не в силах противиться жёсткой беспредельности завораживающего ритма.

– Что с тобой? – удивилась Настя. – Ты побледнел...

Но он не слышал её вопроса. Он лишь видел, как беззвучно открываются и закрываются губы Насти.

– Тебе плохо? – спросила она.

Из её полуоткрытых губ вдруг показался острый кончик языка. Настя раскрыла рот шире, и язык, извиваясь, вытянулся и раздвоился – стал похож на змеиный, только побольше. Он напряжённо дрожал, с него капала серая пенящаяся жидкость, и там, куда попадали капельки, мгновенно возникали бугорки: они раздувались, пучились, шипели и, вдруг осветившись изнутри багровым светом, лопались – белесая, дурно пахнущая жидкость с шипением разбрызгивалась во все стороны. Одна капелька попала на брюки Андрея и прожгла их насквозь.

– Не смотри на меня, – нахмурилась Настя. – Тебе незачем знать, кто я на самом деле.

– Кто же ты? – Андрей понял, что спрашивает её не вслух, а мысленно: говорить он не мог – язык распух и будто онемел.

– Женщина – это всегда тайна, – усмехнулась Настя. – Как бы ты хорошо её не знал, всё равно многое в женщине так и останется тебе неведомым.

– Банально, – подумал он. – Вам так хочется думать.

– Считай как хочешь, – откликнулась она. – Но предостерегаю тебя: не смотри на меня. Ты увидишь не то, что хочешь видеть. А то, что человек не хочет видеть, ему лучше вообще не знать. Так проще, милый. И, знаешь ли, спокойнее...

Она не произносила слова – лишь шипела, но Андрей каким-то образом понимал всё, что говорила Настя. С её лицом происходило нечто странное: оно вытягивалось, нос превратился в подобие хоботка, уши заострились, а глаза прикрыли тяжёлые веки: на них тускло сверкали мелкие, как у плотвы, чешуйки. Впрочем, чешуя покрывала всё тело Насти, которая уже не походила на женщину – она напоминала, скорее, ужасную помесь динозавра и птеродактиля: длинное мощное туловище на коротких лапах, сверкающая чешуя, на спине – ошетилившийся гребень, за плечами вздымались тёмные перепончатые крылья.

– Ты не Настя, – хотел сказать Андрей, но язык его не слушался. Он потряс головой, стараясь привести себя в порядок.

– А разве я утверждаю, что я Настя? – рыкнуло чудовище и расхохоталось. – Но я и не Ниохта, которой ты уже успел полюбоваться.

Чудовище приблизилось к Андрею, пристально взглянуло ему в глаза и положило перепончатую лапу на плечо:

– Успокойся, милый. Разве тебе неприятно быть со мной? Прислушайся к своим ощущениям: тебе тепло, по телу раз-

ливається сладостная истома, пульс учащается – это твоё сердце радуется тому, что оно не одиноко. Тебе хорошо, не правда ли?

Странно, но Андрей, еще несколько мгновений назад с отворачиванием взиравший на невесту откуда взявшегося монстра, почувствовал умиротворение и покой. Ему нравилось это мягкое, ласковое прикосновение. Сморщенное дыхание чудовища, от которого его чуть не вывернуло наизнанку, сменилось лёгким цветочным благоуханием.

– Закрой глаза, – шепнул монстр. – Тебе не стоит видеть то, что ты сейчас видишь. Доверься мне. Я – то, что ты всегда хотел. А что ты хотел – этого ты и сам пока не знаешь, милый. Закрой глаза, всё будет хорошо...

Андрей послушно смежил веки. В затылке стоял ровный тупой гул – барабанная палочка монотонно стучала по одному месту: тук-тук-тук-тук, с ума сойти можно. Но ласковые касания успокоили его, и он, отвечая им, обнял теплое податливое тело. Андрея уже не смущало, что эта приятная плоть всё-таки принадлежала довольно непривлекательному существу: увидишь такое во сне – и то испугаешься, а тут – вот оно, настоящее, страхолюдина ещё та, дикий ужас, и к тому же обнимает своими перепончатыми лапами, и слышно, как дышит, будто кот мурлычет, но только громче, – и это убаюкивает, снимает напряжение, и кажется: сморщенное дыхание сменяется лёгким дуновением весёлого ветерка, который наполнен густым ароматом белых лилий, и от этого хо-

чется ещё крепче зажмуриться и забыть обо всём на свете. В голове стало тихо и ясно – как после бури, и не было слышно барабанов, ритм которых несколько минут назад больно отдавался в висках.

– Всё хорошо? – услышал он голос Насти и открыл глаза.

Настя обнимала его, успокаивающе похлопывая на спине. Никакого чуда-юда и в помине не было.

– Это ты? – невольно вырвалось у него.

– Господи, как ты меня напугал! – Настя отпустила его. – У тебя что-то вроде обморока было. Наверное, ты ещё не совсем поправился. Может, это не простуда, а что-то другое. Зря ты к врачу не хочешь сходить. Ох, как ты меня перепугал!

Он молчал. А что ему было говорить в ответ? То, что ему примерещилась какая-то чужь? Так девушку недолго и перепугать. Ещё подумает, что он на всю голову больной. А кому охота поддерживать отношения с психом, а?

– Побледнел, молчишь, на вопросы не отвечаешь: словно твоё тело тут, а сам ты где-то там, – говорила Настя. – Ой, я уже не знала, что и делать. Хотела скорую вызывать...

– Всё в порядке, – ответил он. – Наверное, мы с тобой в постели переусердствовали. А ведь утром у меня температура была...

– Дурашка, – шепнула Настя и приобняла его за плечи. – Мог бы мне об этом сразу сказать, чего стеснялся-то? Если хочешь знать, то я тебя люблю и без секса... Ой, ну вот! Глу-

пость какую-то опять сказала, – она смутилась и опустила глаза. – Мне просто нравится быть с тобою рядом, видеть тебя, слышать...

Андрей привлек её к себе и крепко поцеловал. Настя, шутливо отбиваясь, засмеялась и, когда он оторвался от её губ, спросила с невинной улыбкой:

– Ты зачем мне рот закрываешь?

– А чтоб глупостей поменьше говорила...

– Я глупая, а ты – умён, – Настя начала цитировать любимую ею Марину Цветаеву, – живой, а я – остолбенелая...

Про крик женщин всех времён Андрею дослушать не удалось, потому что вдруг зазвонил телефон.

– Да? – сказал Андрей.

– Мне нужно с вами срочно увидеться, – ответил в трубке женский голос.

– Кто вы?

– Ах, да! – женщина, чувствуется, смутилась. – Во-первых, здравствуйте. А во-вторых, меня зовут Маргарита, для друзей – Марго.

– Очень приятно, – кашлянул Андрей. – Чем обязан?

– Это долго рассказывать, – Марго говорила быстро и сбивчиво. – Я гадалка... впрочем, не совсем гадалка... скорее, ясновидящая... Ах, какое это имеет значение? Только не принимайте меня за сумасшедшую. Просто вы мне нужны...

– Зачем? – удивился он.

– Повторяю: это долго объяснять, – женщина нервно хихикнула. – Мне был знак. Не спрашивайте меня, что это такое. Потом я вам, быть может, расскажу. А ваш номер телефона я нашла в телефонной книге. Извините, конечно, за беспокойство, но вы мне очень нужны...

– Ничего не понимаю, – растерянно сказал Андрей. – Вы сваливаетесь как снег на голову и требуете от меня чего-то, хотя я вас и знать не знаю...

– Теперь знаете, – женщина была настойчивой. – Давайте встретимся. Чем раньше, тем лучше. Это очень важно. Поверьте мне, пожалуйста.

– Для кого важно?

– Не знаю, – простодушно ответила Марго. – Может быть, для вас – важнее. Ах, какая, впрочем, разница? Это за пределами обычного понимания. По ту сторону добра и зла. Там другие законы. Я только одно знаю: вы можете мне помочь. Если, конечно, захотите. Не говорите, пожалуйста, «нет».

– Да, но...

– Я же вас просила, – укоризненно вздохнула Марго. – Не говорите «нет». Найдите для меня немного времени, совсем немного, чуть-чуть. Мне нужно с вами поговорить. А, может, это вам со мной надо поговорить. Я уже запуталась.

– Странно, – сказал он. – Вы запутались, и хотите, чтобы я тоже запутался? Ничего не могу понять. Чепуха какая-то.

– В иной чепухе больше смысла, чем в здравых рассуждениях, – парировала Марго. – Я не верю людям, которые

правильные во всём. Правила ограничивают восприятие мира. Чепуха всегда выше правил. Но, кажется, я только что придумала правило, а это само по себе плохо – значит, тоже ограничила мир.

– Какое правило? – не понял Андрей.

– Такое: чепуха всегда выше правил, – вздохнула Марго. – Вы просто делаете вид, что не понимаете меня, или на самом деле не врубаетесь?

– Неважно, – усмехнулся Андрей. – Может, я и сам себя не понимаю, и не знаю, что вообще со мной происходит. А тут ещё вы со своими загадками...

– С одной загадкой, – уточнила Марго. – Малюсенькой такой. Поверьте, я бы не стала вас тревожить, если бы не была уверена, что вы поможете мне её разгадать. Неужели вы откажете женщине?

Разговаривая с Марго, Андрей видел, как Настя сначала довольно равнодушно прислушивалась к тому, что он говорит по телефону, потом на её лице появилось недоумение, сменившееся ироничной усмешкой. Она отвела взгляд и, постукивая пальцами по столу, с деланным безразличием принялась смотреть в окно. Всем своим видом Настя показывала, что ей всё равно, что за женщина звонит Андрею и о чём они там договариваются, но, с другой стороны, вроде как неприлично в присутствии одной дамы разводить шуры-муры с другой.

Договорившись о встрече, Андрей с облегчением поло-

жил трубку.

– Какая-то экзальтированная мадам звонила, – сообщил он. – Чего хочет, сама не знает.

– Зато ты знаешь, – возразила Настя. – И много у тебя таких мадамов?

Её ревность была так наивна, какая-то по-детски прямолинейная, что Андрей невольно рассмеялся:

– Оправдываться мне не в чем. К тому же, зрелые женщины меня как-то не привлекают. Ей уже за сорок. И у неё какое-то дело ко мне.

– У настоящей женщины возраста нет, – философски изрекла Настя. – А зрелый плод, как известно, слаще.

– И откуда ты всё знаешь? – изумился Андрей.

– Я тоже книжки иногда читаю, – Настя лукаво улыбнулась. – Смотри, как бы деловой разговор не привёл к чему-нибудь другому.

– Ладно, – шутливо пообещал Андрей, – я буду смотреть во все глаза. И даже по сторонам озираться, как бы чего не вышло.

Они одновременно рассмеялись и рухнули на диван в объятия друг друга.

Андрею никогда не нравилось ощущать себя частью толпы, по этой причине он не любил всякие митинги, демонстрации, и даже на обычное собрание родного, так сказать, коллектива заманить его было сложно – у него всегда находились отговорки. А на площади у фонтанов, как всегда, было многолюдно. И от этого пестрого, шумного столпотворения настроение Андрея начало портиться. Благо, что в том уголке площади, который находился вдалеке от фонтанов, народа было поменьше, но все лавочки были заняты, и, кажется, ни на одной из них не наблюдалось дамы в сиреновом платье.

Он почему-то считал, что Марго – это, скорее всего, женщина старше сорока лет, дебелая, с короткой деловой стрижкой, непременно курящая, пальцы рук унизаны перстнями: гадалки ведь любят золото, всякие побрякушки. Именно такую даму он и выискивал глазами, пока не уткнулся взглядом в элегантную женщину неопределенного возраста: скорее всего, ей было далеко за тридцать, но она выглядела гораздо моложе – ухоженная, гладкая кожа, высокие скулы, полные губы небрежно очерчены бледно-розовой помадой, в матовых мочках ушей – крошечные сережки с какими-то радужными камешками. Глаза дамы скрывали черные солнцезащитные очки, одета она была в простой на вид, но, одна-

ко, на самом деле довольно дорогой белый хлопчатобумажных костюм, на коленях – лиловая сумочка, в правой руке – дымящаяся длинная сигаретка.

Дама никак не подходила под описание портрета Марго, и Андрей уже хотел отвести от неё взгляд, как женщина вдруг махнула ему, поднялась с лавки и, манерно покачивая бедрами, двинулась к нему. Наверное, даже самые примерные мужья в этот момент невольно смотрели не на своих благоверных, а на эту женщину, походка которой была легка, непринужденна и, скажем так, эксцентрична.

– Привет, – сказала дама и протянула ему руку. – Извините, я забыла, что именно должно было быть фиолетовым – платье, сумочка или и то, и другое вместе. Впрочем, какая разница? Вы ведь меня узнали? Я – Марго. А вас я почувствовала сразу: от вас исходит особая энергия...

– Здравствуйте, – растерянно пожал её руку Андрей. Он был явно смущён.

– Что-то не так? – простодушно спросила Марго.

– Знаете, в последнее время я так часто слышу о какой-то своей энергии, что уже подумываю: а не открыть ли мне маленькую частную электростанцию, – неуклюже пошутил Андрей. – Так сказать, энергию – в мирных целях!

– Ах вы, шутник! – улыбнулась Марго и погрозила ему пальчиком. – Такая энергия никакому Чубайсу не снилась. Да вы это и сами, наверное, знаете, – она бросила на него короткий взгляд, и даже солнцезащитные очки не помешали

Андрею почувствовать пронизательность её глаз. – Мы стоим накануне больших событий, и вы об этом тоже, надеюсь, знаете. Тайна уже открылась вам?

Марго нервно бросила сигарету, докуренную почти до фильтра, выудила из сумочки пачку «Кэмела» и снова закурила, выжидательно поглядывая на собеседника. Андрей не понимал, о какой тайне идёт речь, как не понимал и того, зачем вообще согласился придти на эту встречу: в его жизни что-то слишком много стало сумасшедших, вот ещё и Марго добавилась.

– Ладно, – вдруг кивнула Марго. – Не хотите – не говорите. Это ваше право. Но в следующий раз, как окажетесь там, – она сделала ударение на слове «там» и выразительно глянула ему прямо в глаза, – так вот, как окажетесь там, не смогли бы кое-что выяснить лично для меня...

– Не понимаю вас, – Андрей посмотрел в сторону. – Вы, кажется, гадалка. Значит, помогаете другим людям выяснять всякие тайны, узнавать будущее. А я этим не занимаюсь. Я, знаете ли, всего-навсего повар. И даже не всегда знаю, какое будущее ожидает курицу, которую поставил в духовку – сочной она получится или сухой, подгорит или нет, покроется золотистой корочкой или...

– Ах, бросьте! – перебила его Марго. – Никакая я не гадалка. И вы это должны чувствовать. Ясновидящая! Специально ношу темные очки, чтобы люди не пугались. А гада-ньями да ворожбой занимаюсь потому, что надо же на что-

то жить.

– И что же скрывают очки? – усмехнулся Андрей.

Марго, ни слова не говоря, сняла очки. Черные, странно расширившиеся зрачки окаймлял желтоватый белок, и в них полыхал блеск, от которого становилось больно – точно жерло вулкана, из которого извергалась сернистая лава.

– Думаю, достаточно, – Марго снова прикрылась очками. – Мне многое открывается, но не всегда проникаю в самую суть увиденного. Надеюсь, вы знаете: то, что человек видит, – на самом деле не всегда то, что он видит.

Андрей пожал плечами, что-то пробормотал невнятное в ответ, можно было лишь понять, что ему никогда не была близка восточная философия с её парадоксами. Но Марго не успокоилась и с жаром принялась рассуждать о фата-моргана и миражах в пустыне: когда явственно видишь прекрасные замки и чудесные сады, ощущаешь на лице дуновение ветерка, благоухающего ароматами оазиса и даже слышишь гомон базара, это ещё ровным счетом ничего не значит – обман зрения, галлюцинация, иллюзия, фокус природы, игра воображения, не более того. Но подобное происходит с нами каждый день, и, может быть, даже каждый час: то, что нам представляется как самая правдивая реальность, на самом деле – прихотливая игра света и теней, нашего воображения, чужих эмоций, ожидания чуда или, напротив, желания всё упростить до невозможности; и получается, что, глядя на что-то, порой вполне конкретное и привычное, мы

на самом деле видим своё представление об этом, а не истинную вещь.

Марго беспрестанно курила, много говорила, вероятно, очень хотела понравиться Андрею как приятная собеседница. Она была женщиной проницательной, и, конечно, вскоре поняла, что он довольно скептически относится ко всему, о чём она так вдохновенно вещает. Единственное, что оставалось Марго, – говорить по существу, внятно и без всяких абстрагирований.

– Одно видение повторяется и повторяется, я им измучена, – пожаловалась она. – И одно мне ясно: все мы накануне какого-то большого события, после которого жизнь изменится. Может, это будет вселенский катаклизм?

Она, наконец, рассказала свою историю. Оказывается, ей видится один и тот же сон: будто бы на небе появились три солнца. Нестерпимо яркие, они иссушают землю, вода в реках кипит, плаваются камни, горят леса, зловонные облака закрывают небосвод плотной пеленой, гибнут люди, их трупы никто не убирает – разлагающаяся плоть мерзкой серо-зеленой слизью пропитывает почву, миазмами отравляет воздух, отчего возникают новые, неизвестные болезни – они сваливают тех, которые ещё более-менее здоровы; редкие группы оставшихся в живых забираются в глубокие пещеры и хоронятся там как дикие звери.

Один старик вспомнил, что ребёнком слышал легенду о том, что такое уже приключалось на Земле: на небе ко-

гда-то давным-давно появилось три солнца – одно большое и два поменьше, и даже ночью было видно как днём. Какому-то богатырю из маленького племени амурских аборигенов якобы удалось сбить стрелами два светила – только после этого жизнь на Земле вернулась в своё русло.

– Легенды не рождаются из ничего, – говорил старик. – Легенда – это историческая память народа, которая передается от поколения к поколению. «Три солнца» – событие, уже бывшее некогда реальностью, и наши предки через миф предупреждали нас о том, что оно может повториться. Подобные легенды существуют у многих народов. Древние китайские источники утверждают, что наша планета некогда была «потрясена», в результате Солнце, Земля, Луна и звезды «изменили» свой путь». Поднебесная «уходила на юг», а небо стало «падать» на север.

– Мы это знаем и без китайских хроник, – завопила маленькая простоволосая женщина. – Что делать нам, старик? Посвященные покинули нас, мезюлины<sup>20</sup> скрылись в подземельях, а шуликуны<sup>21</sup> лишь смеются и издеваются.

– Правильно она говорит! – поддержали женщину окру-

---

<sup>20</sup> мелюзины – мифические полулюди-полурыбы. В сказаниях о них очевидно влияние древнегреческого мифа о сиренах.

<sup>21</sup> шуликун – в славянской мифологии мелкий демон. Слово «шуликун» некоторые исследователи связывают с тюркским словом «шулюк» (пиявка), другие – что оно происходит от слова «шульгай» (злой дух), третьи выводят его из древнерусского прилагательного «шуй» (левый). В славянской мифологии мир нечистой силы связан с левой стороной.

жающие. – Хватит мудрствовать, старик. Люди вымирают. Лучших из нас забирают к себе шуликуны – этим мерзким тварям нужна не наша плоть, они питаются нашими душами.

– Вы хотите знать, что происходит со всеми нами? – возвысил голос старик. – Слепцы! Вы слишком долго жили в тьме низких истин, главным стало тело, а не дух, и удовольствий ради поступались слишком многим вы, безумцы! Три солнца осветили мир, очистительный огонь испепеляет нашу низость, и сбываются пророчества Посвященных, над которыми совсем недавно вы насмехались, глупцы!

Простоволосая женщина, вперив в старика немигающий взгляд, присела, как тигрица перед прыжком, и завопила:

– Он смеётся над нами! Он продался шуликунам. Смерть отступнику!

Толпа зашумела, мрачно надвигаясь на старика. Но он, не дрогнув ни единым мускулом лица, лишь усмехнулся и спокойно поднял руку:

– Прежде чем лишусь жизни, послушайте, что хотел вам сказать. Человек, испытавший жизнь, не боится испытать смерть. Но не станет меня – так ничего и не узнаете, невежды!

– Да он издевается над нами! – изумлённо воскликнула предводительница толпы. – Возомнил себя пророком, вонючий старый пердун!

Однако толпа притихла, зачарованная невозмутимой фигурой старца и его жестами, полными достоинства.

– Пусть говорит! – послышались возгласы. – Он что-то знает. Наказать его всегда успеем! Говори, старик!

– Молчи, стадо овец, и слушай внимательно, – молвил старец. – Наверняка вы, кичащиеся своей цивилизованностью, считаете диким маленький народ догоны, обитающий в Танзании. С вашей точки зрения, они живут как первобытные люди: минимум одежды, жилища – хижины, пища – самая простая: то, что могут добыть охотой или собирательством. Но эти люди полагают, что их прапредки жили под созвездием трёх солнц, а Южный Крест, который висит над ними, некогда был виден над горизонтом только по утрам и вечерам.

– Они когда-то жили под тремя солнцами? – ахнула толпа. – Не может быть!

– На свете может быть всё, что угодно, – рассмеялся старик. – Но речь не об этом. Так вот, у догонов есть особая священная долина. Там их жрецы выложили карту Солнечной системы. Она состоит не из девяти, а из двенадцати основных больших планет. Иногда жрецы добавляют тринадцатую планету. Чем это вызвано, никто не знает. Причем, начиная с Юпитера, планеты обозначены валунами из камня большей массы, и чем дальше от центра системы, тем она значительнее. И догоны, и другие древние народы что-то такое знали, и это знание пытались передать нам. Говорят, что Посвященные знали о периодических катастрофах на Земле, которые происходят приблизительно через одинаковые хронологиче-

ские рамки. Но мы не слушали их, смеялись и забавлялись над их темнотой и невежеством...

Так говорил этот старик, и люди, не перебивая, внимали каждое его слово. Маленькая простоволосая женщина тоже молчала, но не потому, что прониклась уважением к оратору и раскаялась. Она выждала, когда старик сделает паузу, и снова закричала:

– Зачем ты нам рассказываешь это? К чему твои многоумные речи? Наплевать нам на догонов и все их карты! Объясни, что делать людям, как нам сберечься! Дай нам надежду.

– Надежда – это то, что заставляет человека жить даже тогда, когда кажется: всё потеряло смысл, и уже нет никаких сил перенести этот ад на Земле, – тихо ответил он. – Надежду могут дать лишь Посвященные. Я никогда их не видел, и мой отец не видел, а дед рассказывал, что однажды обнаружил на мокром песке гигантский след ноги Посвященного. Всего лишь след! Дед прикоснулся к нему – и что-то случилось: блеснула молния, лучезарный столб света обрушился на землю, горизонт исчез – огромный мир лежал у ног, невероятный, яркий, блистающий и свежий как утренняя заря.

– Ты сто один раз рассказывал эту историю, – перебила женщина. – Хватит! Наслушались! Твой дед был просветлённым, ему открывалось прошлое и будущее. Разве он не передал тебе этот дар? Почему ты не желаешь сказать нам, что нас ждёт?

– Никому из простых смертных не ведомо, как три солнца изменят род человеческий, – старик с сожалением покачал головой. – Возможно, есть вещи, которые нам лучше не знать вообще.

– Слушать тебя – всё равно, что отраву пить! – завопила женщина. – Ты смущаешь ум и заставляешь во всём сомневаться. Сейчас не время заниматься философией. Говори, старик, куда Посвященные ушли от нас. Мы ничего для них не пожалеем, лишь бы они сказали, как нам выжить!

– Вот как! – снова усмехнулся старик. – Не ты ли, о женщина, насмехалась над ними? Не ты ли говорила, что учёность – причина всех бед, и надо жить проще? Посвященные покинули нас, мы им не нужны. Это они нужны нам. Но я не знаю, что нужно сделать, чтобы они вернулись.

– А что же ты тогда знаешь, жалкий старикашка? – злобно прошипела простоволосая. – Ты ничего не знаешь!

– Да, я знаю, что ничего не знаю, – вздохнул старик. – И чем больше я знаю, тем лучше понимаю: истина всегда где-то там, далеко-далеко, как свет далёкой звезды. Счастлив глупец, считающий, что ему известно всё.

– О, Боже! – вскричала смутьянка. – Как ты надоел с этими твоими мудрствованиями, старый осёл!

– И всё-таки я кое-что знаю. Нам поможет женщина по имени Марго, – совсем тихо молвил старик. – Она где-то тут, среди нас. Невидимая, как бесплотный дух, эта женщина умеет видеть дальше и глубже обычных людей. Может

быть, именно Марго даст нам надежду?

Старик смотрел прямо на Марго, но, судя по всему, её не видел. Его глубокие черные глаза были полны отчаяния и тоски.

– И вот, мне открылось: вы, Андрей, тот человек, который обнаружит разгадку этой тайны, – сказала Марго. – Неважно, как я это узнала. Я и сама, пожалуй, этого не смогу точно объяснить. Есть вещи, которые выше нашего понимания. Просто я знаю: вы тот человек, которому под силу проникнуть в туннель...

– Куда? – переспросил Андрей.

– Я называю это туннелем, – Марго достала очередную сигаретку и прикурила её. – Говорят, что это похоже на узкий тоннель, который, постепенно расширяясь, выводит куда-то туда, не скажу, куда – в общем, это за пределами человеческого разума. Возможно, это иные миры, а, может быть, всего-навсего что-то вроде вселенского архива, в котором хранится информация давно минувших веков, или это жилище более древних, чем человек, существ: они выше нас и знают, следовательно, больше нас.

– Господи, – Андрей не скрывал своего отчаяния, – если бы вы знали, как я устал от всего этого! Почему вам кажется, что я какой-то особенный? И отчего вы втемяшили себе в голову, что я куда-то там могу попадать... Ха-ха! Иные миры! Энергетические сущности! Тоннель времени! – он нервно хихикнул. – Вы, взрослый человек, верите во вся-

кую ахинею?

– Это не ахинея, – усмехнулась Марго и нервно передёрнула худенькими плечами. – Видие ли, молодой человек, мне было виденье...

– Опять! – Андрей покачал головой, вздохнул и с нескрываемой жалостью посмотрел прямо в глаза Марго. – Может, вам нужно принимать успокаивающие таблетки, чтобы крепко спать и не видеть снов?

И тут Марго, наконец, обиделась. Она гневно высказалась насчёт современных молодых людей, которые перебивают старших, ни во что не верят, потеряли всякие идеалы, не уважают иное мнение, понятия не имеют, что значит слово «толерантность» и ведут себя так, будто всё на свете знают и ничему не удивляются. Да, конечно, это может показаться странным, что она видит фантастические сны, похожие на сочинения экзальтированных беллетристов. Но что делать, если каждую ночь Морфей открывает ей что-то новое?

– Иногда я пугаюсь саму себя, – Марго доверительно взяла Андрея за локоть. – Не считайте меня сумасшедшей, пожалуйста. Но однажды я видела во сне женщину по имени Людмила.

Эта Людмила сидела в какой-то обсерватории у телескопа, смотрела в небо, чертила непонятные чертежи и говорила странные вещи. По её мнению, в Солнечной системе находится не девять, а двенадцать – возможно, даже трина-

дцать – планет, и что самое интересное, две, а то даже и три планеты Солнечной системы, – это звёзды: Фэтон, Милиуса и Трансплутон. В глубокой древности их видели люди, и об этом остались воспоминания в легендах и мифах шумеров, китайцев, пратунгусов, догонов. В сказках ничего, абсолютно ничего не выдуманно: сказка – ложь, да в ней – намёк, добрым молодцам урок.

– Андрей, вы были хорошим учеником? – ни с того, ни с сего спросила Марго.

– Старался, – уклончиво ответил Андрей. – Некоторые предметы очень даже нравились. Впрочем, – он лукаво покосился на Марго, – может, мне нравились учительницы, их преподававшие?

– Ах, шалопай! – она слабо взмахнула рукой, хотела рассмеяться, но всё-таки постаралась сохранить лицо серьёзным. – Если вы учили астрономию, то, наверное, помните: «рождение» новой звезды из холодной планетной массы происходит через взрыв, но с потерей ее прежней массы от первоначальной на десять процентов. Помните?

Он пробормотал нечто нечленораздельное в ответ. И тогда Марго, тактично кашлянув, напомнила ему, что в этой космической заварухе отторгнутое вещество никуда не пропадает, а превращается в пояс астероидов. В Солнечной системе их два: первый пояс находится между Марсом и Юпитером, второй – за Юпитером, и о нём знают только астрономы-специалисты, да и то не все. Скорее всего, этот второй

пояс астероидов породил Фаэтон. Это не планета, а звезда.

Астроном Людмила Константинова – именно её Марго и видела во сне, – вычислила, что период обращения Фаэтона вокруг Солнца по вытянутой эллиптической орбите составляет 2800 лет. И когда он подходит к точке максимального приближения к Солнцу, его должно быть хорошо видно с Земли. Наверное, это именно то второе солнце, которое в тучах пожарищ наблюдали амурские аборигены. Но в легендах остались воспоминания ещё и о третьем солнце. Что же это было? Наверное, это была звезда Милиуса. Вычислено, что её орбитальный круг – 1400 лет. А может, в легендах зафиксировано явление на небе Трансплутона? Эту звезду астрономы открыли, вернее, высчитали не так давно. Период её обращения вокруг Солнца – 600 лет.

У Андрея от всех этих планет, звезд и цифр голова кругом пошла. Зачем Марго всё это рассказывает?

Словно прочитав его мысли, она снова зажгла сигарету и пояснила:

– Так вот, если возьмём в руки калькулятор и посчитаем, то выясним, как назывались те три солнца из нанайских легенд. Не стану вас утомлять расчётами. Просто поверьте мне: когда пересекались пути трех, а то и четырёх звёзд-планет, на Земле случались величайшие события. Где же эти мои расчёты? – она порылась в сумочке и вынула из неё мятую серую бумажку. – Ага! Вот. Послушайте: 1270 лет до нашей эры – гибель материка Му в Тихом океане, изменение гео-

графического полюса Земли, перемещение экватора с Приамурья на его современную линию; 9900—9700 лет до нашей эры – гибель Атлантиды, изменение Северного географического полюса, обледенение Европы, рост Таймырского ледяного панциря, переселение пратунгусов в Приамурье и Приморье, гибель мамонтов; 7100 лет до нашей эры – потоп, гибель цивилизации Древней Индии, 1500 лет до нашей эры – Санторинская трагедия, гибель агейской цивилизации, «падение неба», снова потоп. Как раз в этот период на небе «светят три солнца», вода в Амуре изменила свое течение. Кстати, 1300 лет до нашей эры тоже случился какой-то катаклизм: в мифах сохранились воспоминания о потопе, извержениях вулканов и о мощных цунами, которые смыли часть Японии...

— И что из этого следует? – спросил Андрей, уже начавший терять терпение. Лекция Марго не произвела на него особого впечатления. Во всём, как он считал, должен быть смысл, а во всех этих расчётах он его не увидел.

– А то, что согласно расчетам три солнца снова появятся в небе примерно в 4100 году, как и в «прошлый» раз – это, напомню, случилось в 1500 году до нашей эры, – сказала Марго. – Это будет нечто, кошмар Земли и ужас Вселенной!

– Нам-то что с того? – равнодушно пожал плечами Андрей. – К тому времени люди что-нибудь придумают, чтобы выжить в этом катаклизме. Стоит ли нам волноваться за них?

– А что, если нет ни прошлого, ни настоящего, ни буду-

щего, а есть просто время? – усмехнулась Марго. – Что если оно одновременно? И люди для своего удобства разделили его на части? В таком случае мы можем жить сразу и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Может быть, тот же Нострадамус никаким пророком вовсе не был – просто он знал, как соединить пространство и время. Потому 4100—й год – это и год нынешний...

Андрей почувствовал лёгкую дурноту. Его вообще мало интересовали всякие новомодные теории и завиральные идеи, которые, видимо, нравились Марго. Что-то такое он слышал о гипотезе одновременного времени, но разбираться в этом не захотел. Мало ли что могут выдумать досужие умы!

Марго, однако, продолжала с воодушевлением вещать о том, что многие люди напоминают лошадей в шорах: видят только то, что им следует видеть. А может, лучше сравнение с домашней кошкой, которая провела свою жизнь в стенах хозяйской квартиры? Попробуйте вынести её на улицу – она же с ума сойдёт! Потому что, оказывается, за пределами привычного мира существует другая реальность, и она ошеломляет разнообразием красок, ароматов, звуков. Кошка же уверена, что настоящий мир – это тот, где у неё есть кормушка, поилка, мягкий коврик для спанья, любящий хозяин, тёплая батарея. Всё, что за пределами её понимания, ей, в общем-то, не нужно. Но в том, внешнем, мире порой случаются мало приятные вещи: например, на водопроводе

авария – и нет у кошки свежей воды из-под крана, или хозяйка увольняют с работы – и нет у неё вкусенькой рыбки или какого-нибудь «Китикэта», а ещё хуже, когда гости приносят на своей обуви каких-нибудь зловредных вирусов-вредисов или микробов – обеспечено кошке недомогание. Мир, о котором она и знать не знает, порой властно и неожиданно влияет на её жизнь.

– Стоп! – поднял руку Андрей. – У меня голова уже кругом идёт. И я, честно, не пойму, зачем вы мне всё это рассказываете. Меня все эти космические дела мало интересуют.

– Неужели вы и вправду такой приземлённый, Андрей?

– Мне нравится ощущать под ногами землю. Разве это плохо?

– Многие думают, что стоят на земле, но что находится под ней – об этом мало кто задумывается, – Марго усмехнулась. – А что, если там – другое время? Время, которое законсервировалось...

– Ага! – саркастически кивнул Андрей. – Берешь консервную баночку, вскрываешь её, а там – спрессованное время, – он чуть было не рассмеялся. – Впрочем, нет! Зачем спрессованное? Пусть оно будет натуральным, без всяких добавок.

– Ах, да что вы, молодой человек, знаете о времени? – Марго резко вскинула голову. – Ничего вы о нём не знаете! Время для вас – это циферблат часов, не более того. Смейтесь сколько хотите. Всё равно вы и понятия не имеете о времени.

– А вы?

– А мне виденье было, и я кое-что знаю, – женщина понизила голос. – До того, как Землю осветили три солнца, жили другие люди. Не такие, как мы. Они многое умели и могли. Эти люди остались в своём времени, параллельном нашему. Они не захотели жить вместе с нами, тем более, что человек, возможно, – их творенье.

Андрей подумал, что Марго, конечно же, сумасшедшая. Её идея-фикс была по-детски наивной и напоминала сказку. Такая симпатичная, интересная женщина и, надо же, больна, как минимум, на полголовы.

– Спасибо, что хоть не на всю голову, – немедленно отозвалась Марго.

– Извините, – Андрей смутился. Эта женщина ещё раз подтвердила свою способность угадывать чужие мысли.

– Не хотел вас обидеть, – повиноватился Андрей. – Но, знаете ли, всё, что вы говорите, как-то слишком необычно...

Марго замолчала, обиженно шмыгнула носом, выудила из сумочки пачку сигарет и снова закурила. Весь её вид являл собой иллюстрацию понятия «оскорбленная добродетель» или, что больше подходило к ситуации, – «утраченные иллюзии». Андрею, однако, показалось, что Марго попыталась соединить и то, и другое. Чтобы проверить, какой эффект это произвело на собеседника, она исподлобья взглянула на него – Андрей перехватил её пытливый взор. Она смутилась и, затянувшись слишком глубоко сигаретным ды-

мом, закашлялась.

– Не обижайтесь, – Андрей постарался улыбнуться как можно обаятельнее. – Я предпочитаю конкретность, и в разговоре – тоже. Наверное, это плохо. Не спорю. Но, ради Бога, скажите, наконец, что вы хотите от меня?

Марго, прокашлявшись, метнула в него быстрый гневный взгляд, снова глубоко затянулась сигаретой, на этот раз удачнее: ей даже удалось выпустить дым изящными тонкими колечками, после чего дама небрежно бросила окурок себе под ноги и растоптала его.

Она делала это тщательно и сосредоточенно, будто занятия важнее не существовало, – так углубляется всея человек, методично перебирающий чётки, бормочущий какую-нибудь мантру или рисующий на бумаге кружочки, квадратики, чёртиков – что угодно, лишь бы отвлечься и подумать о чём-то своём. Перемена настроения Марго была так разительна, что Андрей почувствовал себя виноватым. Ему даже стало жалко эту странную женщину, которая старалась расположить его к себе, но всё напрасно. Он в самом деле не понимал, зачем она позвонила ему и чего хочет.

– Не думала, что вы, Андрюша, такой скучный, – Марго покачала головой и с сожалением посмотрела на него. – Вам многое дано, но, кажется, вы и сам этого не то чтобы не понимаете, а даже и не хотите понять. Напрасно били сегодня барабаны. Вы слышали лишь звуки – языка не поняли. Мне жаль вас, и себя – тоже. Адъё, милорд!

Её прощальный жест напомнил Андрею финальную сцену фильма «Кабаре», когда Лайза Минелли, восхитительная большеглазая малышка Лайза, подняла руку вверх и, не оборачиваясь, пошла и пошла, и пошла прочь от мужчины, который стал ей не нужным, а, может, и нужен, но, увы, – не сложилось, и надо уходить, изображая независимость и полную самодостаточность. Но во взмахе руки Марго всё же чувствовалось отчаяние: весело растопыренные пальцы задрожали и сжались. Она замедлила шаг, явно ожидая, что Андрей бросится за ней. Он и бросился.

– Не говорите мне сейчас ничего, – не оборачиваясь, молвила Марго и протянула ему невесть откуда взявшуюся в её руке визитку. – Вот, мой телефон. Скоро, совсем скоро я понадобится вам. Тогда и поговорим, – она замолчала и вдруг рассмеялась: Конкретно поговорим. Как вы любите. Сейчас – ничего. Молчите! Ах, оставьте меня...

Вообще-то он даже и не думал задерживать её. Ему просто стало неудобно, что Марго из-за него расстроилась – вот и вся причина, по которой он кинулся вдогонку за этой странной женщиной. Хотя, по правде сказать, Андрея всё-таки сжигало жгучее любопытство, зачем всё-таки она нашла его, к чему были все эти разговоры о каких-то планетах, таинственных тоннелях, посвященных и прочих вещах, о которых сам он никогда серьёзно не задумывался. Если о чём-то подобном Андрей читал в газетах или журналах, то, случалось, недоумённо пожимал плечами: «Чего только лю-

ди не выдумывают!»» А Марго, похоже, не выдумывала. Она знала что-то такое, чего он не знал.

– Хорошо, – сказал он в спину стремительно удаляющейся Марго. – Я вам позвоню. Или вы – мне. Поговорим, да?

Марго снова коротко взметнула руку и быстро, но выразительно пошевелила пальцами:

– Адъё, милорд!

Он лежал навзничь на мягкой подстилке из травы, которая остро пахла горькой полынью, сладким чабрецом и солнечной ромашкой – их ароматы смешивал лёгкий свежий ветерок. Высоко в сияющей лазури неба степенно двигался караван курчавых облаков. Андрей смотрел на них отрешённо, ни о чём не думая. Ему нравилось мягкие прикосновения влажных листьев какого-то высокого растения, которое покачивал ветерок. По обнажённому телу торопливо бегало несколько муравьёв – они щекотали его проворными лапками и усиками, но Андрею было лень пошевелиться, чтобы согнать их с себя.

Мимо летела бабочка-капустница, и вдруг, изменив направление, затрепетала над плечом Андрея и, видимо, решив, что человек для неё не опасен, опустилась на плечо. У неё были жесткие цепкие лапки, и Андрей чуть было не согнал её, но бабочка так доверчиво сидела на нём, медлительно взмахивая крылышками, что он решил: пусть отдохнёт летунья, к тому же она, оказывается, не такая уж и невзрачная – светились яркие бусинки глаз, черные прожилки на крылышках складывались в затейливый узор, хоботок кокетливо тронул родинку на плече, и он улыбнулся. Это было похоже на жест кота, который осторожной лапкой пробует первый снег.

Андрей был абсолютно обнаженным. Как он попал на эту веселую солнечную полянку, он не знал. Лишь смутно помнил каких-то злобных чудовищ, которые рвали его тело на части, поглощая плоть жадно и торопливо; они захлебывались кровью, отрывивали непрожёванные куски мяса, выплевывали кости – это зрелище было так отвратительно, что только от одного воспоминания его передёрнуло. Капустница испугалась и взлетела с его плеча.

Андрей провёл рукой по груди, ощупал живот, скользнул пальцами чуть ниже – всё в полном порядке, и ноги тоже были целыми и, главное, перестали болеть. Эта саднящая тупая боль ещё совсем недавно пронизывала всё тело, и он корчился, стонал, пытаясь найти удобное положение, в котором она немного стихала. Теперь тело отдыхало. Правда, он по-прежнему ощущал ритм сердца, оно билось резкими, сильными толчками – будто после долгого, изнуряющего бега или тяжелой работы. Нормальный здоровый человек обычно не слышит, как оно бьётся.

Ветер усилился, и в его порывистых дуновениях Андрей уловил сладковатый аромат: так пахли булочки, которые любила печь бабка, – ваниль и мёд. Но запах был явно не кондитерский – живой, волнующий, он отдавал густой удушливой зеленью папоротников, сомлевших под знойным солнцем.

Андрей, приподнявшись на локте, посмотрел в том направлении, откуда ветер принёс этот необычный запах. Метрах в пятидесяти от себя он увидел огромное дерево. Мощ-

ный ствол вздымался высоко в небо, ветви простирались над землей сумрачным шатром: на них было так много густой темно-зелёной листвы, что солнцу не удавалось пробить её копиями жарких лучей, – потому трава под деревом росла бледная, чахоточная; на гнилых, изъеденных древоточцами валёжинах высились шапки седых грибов-ильмовиков, рыжих поганок и полосатых трутовиков. В грудах палой листвы копошились маленькие ящерицы. За ними лениво наблюдали два чудовища, похожие на гигантских варанов с пастью крокодила. Их узкие, раздвоенные на концах, хвосты украшали пурпурные гребни. Такие же гребни, только побольше, с острыми шипами, в два ряда тянулись по всему туловищу.

Андрей не испугался их. Как-то отстранённо и равнодушно он подумал о том, что эти драконы не такие уж и страшные, людская молва явно преувеличивает их свирепость.

Один из драконов обратил взор на Андрея. В его узких тёмных глазах вспыхнули красные огоньки. Чудовище принюхалось, но, видимо, человек его не заинтересовал – дракон, зажмурившись, потянулся и зевнул: из его пасти вырвалось сизое облачко дыма, в котором мгновенно вспыхнул и погас сноп желто-красных искр. Зловонный запах донёсся до Андрея, и он невольно поморщился.

Снижней ветки дерева слетела маленькая пёстрая птичка. Она покружилась над драконом и смело села прямо на его пасть. Монстр растянулся на подстилке из сухих листьев и ощерил свои жуткие желтые клыки. Птичка, весело тря-

нув хвостиком, бесстрашно вцепилась коготками в серые губы дракона, устроилась на них поудобнее и принялась выклевывать из зубов остатки пищи. Монстр блаженствовал, сохраняя полную неподвижность. Другой дракон, понаблюдав за ними, вытянул морду вверх и громко призывно уркнул. Откуда-то сверху на него тут же свалилась точно такая же пёстренькая птичка. Она деловито принялась обследовать ротовую полость монстра, ничуть не заботясь о своей безопасности.

В зарослях шеломайника рядом с Андреем что-то зашуршало, звякнули колокольчики. Он оглянулся и удивлённо присвистнул: раздвинув высокие стебли растения, на него глядела сама Мэрилин Монро. Такая, как он её знал по фильмам и фотографиям – обворожительная, яркая, сияющая белозубой улыбкой.

– Привет! – сказала Мэрилин. – Скучаешь?

– Привет, – откликнулся он. – Тут, знаете ли, не соскучишься. Одни драконы чего стоят, – он кивнул в сторону чудовищ. – Первый раз вижу их наяву.

– А! Ещё привыкнешь к ним, – пренебрежительно махнула рукой Мэрилин. – Кстати, меня ты тоже первый раз видишь, не так ли?

Она села рядом с ним, и тут Андрей вспомнил, что он голый.

– Брось! Что естественно, то не безобразно, – усмехнулась Мэрилин, наблюдая, как он безуспешно пытается прикрыть

своё мужское достоинство ладонью. – Неужели ты думаешь, что я не знаю, чем мужчина отличается от женщины?

– Существуют приличия, – напомнил он. – Как-то неудобно всё-таки...

– Правила приличия выдумывают люди, – Мэрилин тихо засмеялась и мягко коснулась указательным пальцем его щеки. – У тебя хорошая кожа. Женщина не должна говорить это мужчине. Но я искренняя: что думаю, то и говорю. Это неприлично?

– Наверное, – смущенно кивнул он. – Вы нарушаете правила. Это можно говорить потом...

– Когда – потом? – Мэрилин удивлённо приподняла бровь. – Потом – это после того, как мы с тобой сделаем туда-сюда?

Неприличным жестом она изобразила это самое «туда-сюда», чем смутила Андрея ещё больше.

– И вообще, почему ты мне говоришь «вы»? – продолжала Мэрилин. – Кажется, мы с тобой знакомы давно. Помнишь, как ты смотрел на мою фотографию и занимался самоудовлетворением? У тебя были такие неприличные мысли и желания! Но это с точки зрения благопристойных пуритан. Мне же твои желания не показались чем-то противоземным, даже наоборот – понравились. Помнишь?

Он почувствовал, как краснеют мочки ушей. О том, что он, пятнадцатилетний, фантазировал с фотографиями Мэрилин Монро, никто не знал. Да он и не сказал бы об этом да-

же самому близкому другу. То, чем он занимался, считалось слишком предосудительным, чтобы говорить об этом вслух.

– Семя, излитое тобой, питало меня, – сказала Мэрилин. – Твоё желание придавало мне силы. Без тебя не было бы и меня.

Она провела пальцем по его ключицам, прикоснулась к поросшей волосами груди и погладила её, отчего по телу Андрея пробежал сладкий ток истомы. Ладонь уже не могла утаить то, что старательно прикрывала. Заметив его боевую мужскую готовность, женщина игриво прикусила нижнюю губу, а затем провела по ней кончиком розового язычка:

– Сдерживая свои желания, ты губишь меня, – шепнула она, склоняясь над ним. – Любовь – это когда думаешь о другом больше, чем о самом себе. Мысли, оторвавшись от тебя, наполняют меня нектаром пылкого сумасбродства и мёдом прекрасной несдержанности, имя которой – страсть...

Женщина приблизила губы к лицу Андрея, тихонько звякнули серебряные колокольчики на её рукавах, и только тут он обратил внимание, что Мэрилин одета в зелёный халат, украшенный завитушками орнамента, похожего на речную волну. Это его удивило.

– Всё в порядке, – усмехнулась Мэрилин и поцеловала его в щёку – как птичка клюнула. – Ты – это я, а я – это ты. Твоя телесная оболочка пуста без меня. Я должна жить внутри тебя, потому что я твоя аоми.

– Аоми? – Андрей вспомнил Ниохту. – Снова ты? И как

это у тебя получается: то один образ, то другой, то тигр, то неведомая тварь?.. Умеешь гипнотизировать, что ли? А может, ты – мой сон? – он нарочито заливисто рассмеялся. – Всего-навсего – сон! Потому что Мэрилин на самом деле давно нет на этом свете, и все об этом знают. Если я её вижу, то это значит одно из двух: или у меня крыша поехала, или я сплю...

– «Или» на самом деле гораздо больше, чем ты себе можешь вообразить, – вздохнула белокурая красотка. – Ты смотришь на мир и видишь то, что положено видеть. Знаешь, что такие насекомые, как пчёлы, не видят человека? Вернее, не способны воспринимать его. Они живут в своём мире, а всё, что за его пределами, их мало интересует. Но это не значит, что человека нет. Точно так же и сам человек не воспринимает мир во всей его полноте.

Андрей перевёл взгляд на драконов под деревом. Они лежали неподвижно. В их раскрытых пастьях деловито хлопотали храбрые птички, выклёвывавшие остатки пищи. Точно такие же пернатые сидели на ветвях могучего дерева. Их было так много, что если бы они разом взлетели, то стая наверняка затмила бы солнце.

Это были какие-то особенные птички: пёстрые, словно сотканые из цветных ярких ниток, они степенно сидели попарно, – и хоть бы шевельнулись или потербели пёрышки: нет, замерли, будто на них напал столбняк, или они словно были аппликациями или керамическими фигурками. Ан-

дрию показалось странным, что птицы вообще не издавали никаких звуков. Но время от времени то одна, то другая пара оживала и пикировала на драконов, сменяя уставших товарок.

– Кажется, я вижу то, что никогда не видел прежде, – сказал Андрей. – И даже не удивляюсь этому. Как, впрочем, уже не удивляюсь и тебе, – он хмыкнул. – Надо же! Сама Мэрилин рядом со мной, совсем как настоящая, а я отношусь к этому как к само собой разумеющемуся. Наверное, это плохо, когда человек перестаёт удивляться. Значит, в нём что-то изменилось?

– Ты не помнишь этого? – Мэрилин подмигнула и лукаво улыбнулась. – Полноте! Ты прекрасно помнишь, как твою плоть поглотили эти ненасытные твари, они обглодали каждую косточку и бросили тебя там, на горе. Тебе показалось, что ты перестал существовать. Разве не так?

– Так, – кивнул он. – Но я откуда-то знал, что на самом деле не исчез, плоть – это всего лишь оболочка, которую нужно сменить, как меняют одежду. Ещё я почувствовал, что и внутри меня что-то изменилось. Что именно – не знаю. Но я – это уже другой я, спокойный, прочный, другой, – он с удовольствием повторил: Да, именно: другой. И ты меня уже не пугаешь, хотя я понимаю: никакая ты не Мэрилин Монро, ты – Ниохта, Впрочем, я не знаю, что ты на самом деле представляешь из себя. Может, испугаюсь. Но я готов к самому неожиданному.

Внезапный порыв ветра распахнул халат Мэрилин: под ним была тёмно-серая масса, она надувалась сизыми пузырями, готовыми вот-вот лопнуть, пульсировала и взрывалась фонтанчиками аспидных брызг. Андрей успел разглядеть всё это, прежде чем женщина ухватила полы и прикрыла колени. Но от неё не ускользнула брезгливая гримаса, которая мгновенно исказила лицо Андрея и так же быстро исчезла.

– Ты ещё не готов, – с сожалением молвила женщина. – Но мне на это плевать. Я слишком долго ждала подходящее человеческое тело. Промедление означает смерть. Я хочу жить.

Он чувствовал себя опустошённым: будто внутри ничего не было, осталась только оболочка тела – ни сердца, ни лёгких, ни желудка, ни других органов он не ощущал, разве что в районе пупа – лёгкое покалывание, словно маленькая иголочка в него тыкалась. Женщина легла рядом с Андреем и только протянула к нему руки, как на дереве раздался оглушительный треск, и рядом с ними шмякнулось что-то тяжёлое. Андрей приподнялся и обнаружил на траве обломившуюся ветвь. В тёмно-зелёных глянцево-листных молчаливо и неподвижно сидели пёстрые птички. Падение с дерева их ничуть не взволновало. Казалось, они были чучелами. Однако из чёрных бусинок их глаз сквозило живое любопытство.

– Птички-чока, – сказала женщина. – Так их зовут. Ещё до того, как ребёнок родится, чока откладывает в него оми.

По-вашему это значит душа. А на самом деле – это яйцо чока, – она хихикнула. – Ты и этого не знал?

Говорить ему не хотелось, и он лишь отрицательно мотнул головой.

– Правильно, – женщина погладила его плечо. – Какая разница – оми, душа или как-то ещё называется то, что даётся человеку при рождении! Это просто есть, как есть солнце, воздух, небо...

Она говорила медленно и нараспев. Её голос убаюкивал. Андрей почувствовал, как веки наливаются тяжестью, смыкаются и ему стоит больших усилий разлепить их. Эта внезапная сонливость показалась ему подозрительной, но о её причинах ему не хотелось думать. Как, впрочем, ни о чём другом – тоже.

– Всё будет хорошо, – говорила женщина и гладила его по голове. Ему были приятны эти ласковые поглаживания.

– Возможно, тебе станет больно, но лишь вначале, – продолжала женщина. – Мы созданы друг для друга, ты – моя половина, я – твоя. Став одним существом, мы будем могущественными. А наше эргэни<sup>22</sup> никто не найдёт. Мы спрячем его в чока, а все чока похожи как капля воды: попробуй-ка найди среди них наше эргэни. Надо быть Наны-маро-

---

<sup>22</sup> эргэни – двойник, душа живого существа; некоторые исследователи рассматривают представления древних нанайцев об эргэни как символ единства человека и природы.

ко<sup>23</sup>, чтобы суметь его получить. Смотри, кто будет охранять наше целое!

Земля содрогнулась, и Андрей увидел великана, который, тяжело ступая, шёл враскачку, как моряк. Под его мощными ступнями берёзы и дубы ломались как сухие былинки, и лишь гибкие ивы постепенно распрямлялись подобно прямой траве. Из-под ног гиганта с жалобным криком взлетали со своих гнёзд птицы, впереди него испуганно бежали бурундуки, еноты и россомахи, а звери покрупнее ломались напролом сквозь чащу – лишь бы уйти с дороги чудища. Оно было похоже на гориллу, только в несколько раз больше – прямо Кинг-Конг!

Великан приблизился к дереву и ухватил его верхушку, на которой безропотно сидели притихшие птички-чока. На каждой его руке было всего по два пальца, но это не мешало ему сноровисто обрывать листья. Великан пригоршнями бросал их в пасть и чавкал как дикий кабан.

– Имя его Калгама, – шепнула женщина. – Его все боятся. Сила Калгамы вон в той сумке, смотри: она висит у него на плече. Люди думают, что там он хранит какой-то таинственный талисман, который дарует его владельцу силу и удачу. На самом деле там эргэни Калгамы, он всегда носит его с собой.

Великан продолжал обрывать листья, но, странное дело, на их месте тут же вырастали новые, и получалось так, что

---

<sup>23</sup> Наны-мароко – мифический богатырь.

сколько он их не заглатывал, а дерево по-прежнему оставалось зеленым и пышным. Если в пригоршне листья оказывалась чока, Калгама доставал её и бережно садил на ближайшую ветку. Птичка расправляла клювом растрёпанные пёрышки и снова застывала, лишь любопытные бусинки глаз напоминали о том, что она живая и настоящая.

– Говорят, что листья этого дерева волшебные, – продолжала шептать женщина. – В них – вся сила земли, но обычному человеку не удастся сорвать даже один-единственный листочек: дерево себя защищает – его ветви, как руки, хватают смельчака и ломают ему шею...

Драконы, отдохавшие под деревом, встрепенулись и зашипели на Калгаму, но тот грозно притопнул ногой – и ящеры испуганно отползли в сторону.

– А ты смелый, – улыбнулась женщина. – Твоё сердце бьётся ровно – значит, не испугался великана.

Андрей в самом деле не чувствовал ни страха, ни даже удивления. Его охватило какое-то равнодушное оцепенение. Всё происходящее казалось ему сном, а в снах, как известно, приходится видеть самые невероятные вещи, к которым, однако же, порой относишься совершенно спокойно.

– Милый, это не сон, – женщина прикоснулась к его губам. И этот поцелуй показался ему таким болезненным и холодным, будто его сжали щипцами, долго пролежавшими на морозе. Андрей попробовал уклониться, но женщина неожиданно крепко сомкнула руки на его туловище и навалилась

на него всем телом. Она оказалась невероятно сильной: хватка – железная, тело Андрея будто обручами сжало – ни вздохнуть полной грудью, ни пошевелиться он не мог, как ни старался. Казалось, кровь застыла в жилах, но для того, чтобы она вновь начала свой ток, надо было наполнить воздухом лёгкие. Это Андрею не удавалось.

От удушья он чуть не потерял сознание, и если бы женщина не ослабила хватку, он наверняка задохнулся бы.

– Всё будет хорошо, – шепнула она. – Я сильная аоми. Ты станешь касасаманом, милый. Сильным будешь, все уважать тебя станут.

Женщина снова впилась в его губы, пытаясь раздвинуть их толстым языком. Андрей противиться был не в силах, и вскоре ощутил, как её язык увеличивается, обращаясь в склизкий шершавый слизняк, и скользит по глотке, ввинчивается в гортань – всё глубже и глубже, проникает в пищевод и яростно извивается в нём. Он почувствовал рвотный позыв: спазм не давал дышать, он захлебнулся слюной и раскашлялся, но язык женщины сноровисто скользил уже где-то глубоко внутри, заполняя всё пространство и не давая содержимому желудка вырваться наружу.

Андрей ухватил женщину на спине за халат и попытался оторвать от себя, но вместо её тела руки нащупали под материей нечто студенистое без единой кости. Эта масса стремительно уменьшалась, проникая в него вслед за языком: женщина будто бы струилась, перекачиваясь в него густой

кашицей. Больно ему не было – лишь противно. Так, наверное, чувствуют себя больные, которых сиделка насильно кормит бульоном. Он хотел выплюнуть сладковатую массу, но не смог даже пошевелить губами: казалось, они онемели, как это бывает после анестезии – казались большими, распухшими, потерявшими чувствительность.

От женщины в его руках остался лишь халат. Внутри он не ощущал ничего особенного: тошнота прошла, желудочные спазмы не повторялись, правда, немного саднило горло, а ещё он ощущал приятную сытость, от которой клонило в сон.

Глаза Андрея помимо его воли закрывались сами собой, но он пытался превозмочь этот тяжёлый морок, даже похлопал себя по щекам и покрутил за нос. Он прекрасно понимал, что с ним происходит нечто невероятное, но почему-то относился к этому как к чему-то неминуемому. Однако же, ему хотелось знать, что будет дальше.

Смеживая веки и вновь открывая их, он наконец краем глаза уловил смутное движение серой тени. Андрей повернул голову и увидел Калгаму, который осторожно, насколько это позволяло ему огромное несуразное тело, двигался к нему мелкими шашками, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Навряд ли великан его боялся – скорее всего, он не хотел потревожить человека.

Андрей закрыл глаза и притворился спящим, наблюдая за происходящим через щелочку неплотно сомкнутых рес-

ниц.

Калгама приблизился к нему, принюхался, раздувая широкие ноздри. Андрей видел, как монстр неловко переминается и то протягивает к нему двупалую лапищу, то отдёргивает её. Великан явно не решался прикоснуться к нему, что вообще-то было странно: страшилище, наводившее ужас на других, вдруг заделикатничало.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.